

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Юридический институт

МОЙ ВЫБОР — НАУКА!

*Сборник статей
по итогам X региональной молодежной конференции*

Барнаул, 27 апреля 2023 г.

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2023

УДК 001 (063)
ББК 72я431+67я431
М 748

Ответственный за выпуск:

Е.П. Веснина, старший преподаватель кафедры уголовного права
и криминологии Алтайского государственного университета

Рецензент:

Е.С. Аничкин, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой
конституционного и международного права, директор юридического института
Алтайского государственного университета

М 748 **Мой выбор — наука!** : сборник статей по итогам X региональной
молодежной конференции. Барнаул, 27 апреля 2023 г. / Министерство
науки и высшего образования РФ, Алтайский государственный
университет. — Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2023. — 84 с.

ISBN 978-5-7904-2801-2.

В сборник включены доклады, представленные студентами юридических
вузов на X региональной молодежной конференции «Мой выбор — НАУКА!»
(Барнаул, Алтайский государственный университет, 27 апреля 2023 г.). рассмат-
риваются актуальные проблемы теории и истории государства и права, консти-
туционного, уголовного, гражданского, предпринимательского, семейного, тру-
дового, административного, финансового права, гражданского и уголовного про-
цесса, криминалистики.

ISBN 978-5-7904-2801-2

© Юридический институт, 2023
© Оформление. Издательство Ал-
тайского государственного уни-
верситета, 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

Анохина Е.А., Моисеева О.Г. Брак и семья по законам Хаммурапи и законам Ману.....	5
Арутюнян Г.Ю., Казанцев Д.А. Проблемы применения обстоятельства, исключающего преступность деяния, предусмотренного статьей 42 УК РФ	10
Богомолова Р.М., Казанцева О.Л. Институт публичных слушаний в России и за рубежом.....	14
Ельникова С.М., Моисеева О.Г. Причины падения Западной Римской империи	18
Злобина Д.С. Дхармашастры как источник религиозно-правовых норм Древней Индии	23
Иванова Н.В. Оправдательный приговор: процессуальная форма и статистика	27
Игнатьева Ю.В., Казанцева О.Л. Институт правотворческой инициативы: теоретическое и практическое применение.....	30
Казарян Г.Г., Казанцева О.Л. Голосование за отсутствующих депутатов Государственной Думы РФ: проблемы правового регулирования.....	34
Ковалёва А.Р. Проблемы установления условий правомерности причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление	37
Крынина В.А. Проблемы определения мотива политической, идеологической, расовой, национальной, религиозной ненависти и вражды, мотива ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы	41
Матвиенко А.С. Судебные ошибки в уголовном судопроизводстве.....	45
Пенкин Д.С. Квалификация преступлений, совершённых совместно с лицом, не подлежащим уголовной ответственности.....	48
Попова Е.А. Значение и роль педагога в уголовном процессе.....	52
Саенко А.А., Моисеева О.Г. Венский конгресс, создание Германского союза как этап объединения Германии в XIX веке	56
Стенякина Л.Г. Проблемы мер безопасности, применяемых в отношении участников уголовного судопроизводства	60

Сумарокова В.Е. Совершенствование правового регулирования использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве	65
Тругумбаев Т.К. Политико-правовые взгляды Чокана Валиханова	70
Утемова К.Е. Проблемы применения необходимой обороны.....	72
Яковлев Д.С., Стародубцева М.А. К вопросу о правотворческой и правоприменительной деятельности государства в области противодействия распространению преступлений экстремистской и террористической направленности	76
Сведения об авторах.....	81

Е.А. Анохина, студент кафедры теории и истории государства и права Алтайского государственного университета

О.Г. Моисеева, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Алтайского государственного университета

БРАК И СЕМЬЯ ПО ЗАКОНАМ ХАММУРАПИ И ЗАКОНАМ МАНУ

В статье представлен сравнительный анализ брачно-семейных отношений в Древнем Вавилоне и Древней Индии в соответствии с законами Хаммурапи и Ману. Рассмотрен правовой статус замужней женщины, а также право наследования как супруги, так и детей. Проанализированы права и обязанности супругов в браке, а также основания и условия для заключения и расторжения брака. Результаты исследования привели к выводу, что, несмотря на географическую разрозненность и различия в мировоззренческих взглядах, правовое регулирование брачно-семейных отношений имеет многие схожие черты и признаки.

Ключевые слова: брак, семья, Древний Вавилон, Законы Хаммурапи, Древняя Индия, Законы Ману, права и обязанности супругов.

Динамично развивающиеся брачно-семейные отношения претерпевали различные изменения в ходе исторической эволюции. В современном мире брак представляет собой один из важнейших социальных и правовых институтов в современном мире.

Еще со времен древности брак и семья являлись неразрывно связанными понятиями и основополагающим фактором благополучия. Неспроста собрания законов древних государств начинаются с повествования хода брачных ритуалов. Они представляли собой духовный переход на новый этап жизни, имеющий ключевое значение в дальнейшем развитии личности, т.к. он способствовал воспроизводству потомства.

Семейное право Древнего Вавилона представляется не только вполне сложившимся, но и достаточно развитым. Этим отношениям посвящены статьи с 128 по 161 Кодекса царя Хаммурапи. Общество древнего Двуречья в XVIII в. до н.э. уже находилось на достаточно высоком уровне государственно-правового быта, и семья уже тогда выступала крепкой и надежной основой социальной организации. Публичная власть в лице царя рассматривала семью в качестве источника материальной силы государства и отводила ей подобающее место в нормативном регулировании [1, с. 172].

Древневавилонский законодатель однозначно придерживался договорной концепции брака, то есть брак между супругами представлял собой письменное соглашение, субъектами которого являлись родители жениха и невесты, в случаях, когда избранник был самостоятельным лицом, он мог сам заключить сделку. Согласно судебнику царя Хаммурапи статьи 128: «Если человек возьмет жену и не заключит письменного договора, то эта женщина — не жена». Помимо этого ход брачного соглашения зависел от принадлежности к определенному сословию (авилумы, мушкенумы и рабы).

Если брак представляет собой договор, то он должен содержать в себе ряд существенных элементов, которые придают ему юридическую силу и наделяют супружеский союз свойствами правового отношения. Прежде всего, у брака должна быть цель, для которой он совершается. Такая цель указана в ст. 138, где сказано: «Если человек захочет оставить супругу, которая не родила ему детей, то он должен дать серебро, равное ее выкупу, а также восстановить ей приданое, а затем он сможет ее оставить» [2, с. 35]. Таким образом, целью брака выступает рождение и воспитание детей. Невозможность достичь этой цели является основанием для развода, семья создавалась для укрепления и увеличения материального благополучия ее членов. Следовательно, появление потомства должно было рассматриваться как полезная мера, направленная на увеличение рабочей силы семьи и тем самым ее богатства.

Данное утверждение подкрепляется и рядом других статей памятника. Так, в ст. 145 и 146 бездетный брак со жрицей (надитум) мог вести к сожителству с наложницей [2, с. 36]. Причем такое сожителство признавалось не только законным, но и целесообразным.

Также в данном обществе верность являлся основополагающим моральным устоем, поэтому супружеская измена нашла четкое отражение в жестоких санкциях норм права, описываемых в Законах Хаммурапи.

Обязательственная природа брака предполагает наличие правосубъектности у обеих сторон супружеского союза, которая всегда проявляется в определенных действиях. И жених, и невеста должны выразить свое желание вступить в брак. Статья 128 выдвигает требование — заключить договор с самой женщиной, что делает невесту субъектом данного правоотношения.

Мужчина инициирует процесс заключения брака и в известной степени отвечает за соблюдение его законности, поскольку отсутствие договора означает

отсутствие брака. Другие статьи законника, раскрывая в подробностях процедуру оформления супружества, всегда сохраняют за мужчиной преимущественное положение.

В Древнем Вавилоне женщина обладала рядом прав: она вместе со своими детьми имели возможность наследования имущества главы семьи; имела право на развод, а также оставляла за собой свое приданое. Огромная власть отца выражалась в том, что он имел право продавать своих детей, оставлять их в залог за приобретенный долг, усекать язык за грубое общение с родителями. Однако закон несколько ограничивал его власть, например, глава семьи не мог лишить права наследства своего сына, который не совершал правонарушения.

Имущественные права и обязанности жены в супружеском союзе сводятся к участию в ведении совместного хозяйства и укреплении его благосостояния. Так, жена приносит в дом мужа свое приданое, следит за сохранностью семейного имущества. Она не должна растрчивать совместное добро, на что прямо указывает норма ст. 141. Жена, «разоряющая свой дом», может быть не только изгнана из дома, но и лишена средств к существованию [2, с. 36]. Кроме того, жена имеет право владеть и пользоваться имуществом, подаренным ей мужем. Правда, здесь супруга ограничена в правомочии по распоряжению — она может передать это имущество по наследству своим детям, но не может ни продать его, ни даже передать своему брату.

В Древней Индии же обыденная жизнь народа находила свое отражение в большей степени не в нормах права, а в этических нормах. В основном они отражались в религиозных трактатах, называемых дхармашастрами, наиболее известными из которых являются законы Ману. Ключевой особенностью данной дхармашастры является отражение неравномерной дифференциации общества, а именно деление его на варны: брахманы; кшатрии; вайшьи; шудры.

Дифференциация общественного строя нашла четкое отражение в брачно-семейных отношениях. По традициям Древней Индии варновое положение супругов должно быть равным, при этом в особых случаях исключения составляли мужчины, которым позволялось заключать брак с представительницами нижестоящих варн, что касалось женщин, то им было строго запрещено выходить замуж за мужчину из низшего сословия. Основными условиями вступления в брак являются следующие: - запрещается вступать в брак между собою родственникам до шестой степени включительно; - младшие братья и сестры не могут сочетаться браком раньше старших; - мужчина, желающий вступить в брак с женщиной

низшей варны, обязан предварительно сочетаться браком с женщиной высшей варны.

Характерной чертой древнеиндийской семьи является патриархальность. В понимании индусов семья не столько общественная потребность, сколько обязанность, порожденная долгом веры. По законам Ману, вступление в брак признается, ввиду установленного ими культа предков, священной обязанностью, а создание семьи является результатом самопожертвования. При этом брак был не обоюдным союзом мужчины и женщины, а представлял собой имущественную сделку.

Развод допускается только при существовании одной из следующих причин: грубые пороки одного из супругов, пьянство, сварливость, расточительность, неизлечимая болезнь, бесплодие по истечении 8 лет брачной жизни и непреодолимое отвращение друг к другу. Муж мог оставить жену, если в семье не было детей.

В отношениях между супругами господствует полная как личная, так и имущественная подчиненность жены мужу. Все, что бы она ни приобретала, поступает в пользу мужа. Однако мужу предписывается обращаться с женою самым нежным образом, и нарушение супружеской верности любой из сторон наказывалось весьма строго. В общем, положение женщины было несравненно лучше, чем у других народов. Также мужу принадлежало право наказывать членов семьи своей властью. «Жена, сын, раб, ученик и родной брат, совершившие проступок, могут быть биты веревкой или бамбуковой палкой» (ЗМ, VIII, 299) [2, с. 98].

Законы Ману определяют положение женщины следующим образом: в детстве ей полагалось быть под властью отца, в молодости — мужа, после смерти мужа - под властью сыновей, ибо «женщина никогда непригодно для самостоятельности». Законы Ману прямо требуют от жены почитать своего мужа как бога, даже если он лишен добродетели. Неоднократно также подчеркивается, что призвание женщины - это рождение детей и забота о семье (ЗМ, IX, 29 и др.). Хотя законы Ману как высшую дхарму между мужем и женой провозглашают «взаимную верность до смерти», муж мог иметь несколько жен, развестись с женой.

В Индии потомство, как и скот, признавалось основным видом богатства (ЗМ, IX, 52-55). В силу этого законным отцом ребенка считался муж матери независимо от того, кто был им фактически.

Все имущество семьи было ее общим достоянием, но управлялось главой семьи. После смерти родителей имущество либо делилось между сыновьями, либо оставалось у старшего сына, который становился опекуном живших в доме младших братьев. Дочери от наследования устранялись, но братья должны были выделить по $\frac{1}{4}$ своей доли для приданого. Наследования по завещанию древнеиндийское право не знало.

Сопоставляя постулаты законов Ману и судебника царя Хаммурапи можно прийти к такому выводу: общие положения заключались в том, что в одном, и в другом государстве главой семьи являлся мужчина, женщина же была хранительницей домашнего очага и обеспечивала своего супруга необходимой поддержкой и опорой. Безусловно, верность в семье играла фундаментальную роль, именно поэтому измена считалась высшей степенью греховности и каралась наказаниями в виде смертной казни. Помимо этого классовая принадлежность супругов значительно влияла на брачно-семейные отношения.

Отличительными чертами выступало наличие прав у женщины, состоявшей в браке. Так, женщина в Древней Индии не имела никаких субъективных прав, в отличие от Вавилона, где она имела право наследования, право заключения договоров купли-продажи, а в исключительных случаях могла требовать развода. В Древнем Вавилоне в равной степени наследовали сыновья и дочери. В Индии напротив наследство делилось поровну между всеми сыновьями или присваивалось старшему сыну, которому необходимо было обеспечить собственным жильем младших братьев. Дочерям и сестрам выдавалось приданое.

Подводя итог вышесказанному, хочется отметить, что, несмотря на географическую разрозненность и различия в мировоззренческих взглядах, правовое регулирование брачно-семейных отношений имеет много схожих черт и признаков.

Библиографический список

1. Карпенко К.В. О некоторых особенностях семейных отношений по Законам Хаммурапи // Вестник МГИМО Университета. 2012. № 5. С. 172-181.
2. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран: в 2 т. / отв. ред. д. ю. н., проф. Н. А. Крашенинникова. Т. 1: Древний мир и Средние века / сост. О. Л. Лысенко, Е. Н. Трикоз. М.: Норма, 2007.

Г.Ю. Арутюнян, студент юридического факультета Алтайского государственного университета

Д.А. Казанцев, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Алтайского государственного университета

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ИСКЛЮЧАЮЩЕГО ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 42 УК РФ

В статье предлагается общий обзор проблем применения такого обстоятельства, исключающего преступность деяния, предусмотренного статьей 42 Уголовного Кодекса Российской Федерации, как исполнение приказа или распоряжения. Путём изучения истории формирования нормы, предусмотренной статьей 42 УК РФ, а также мнений различных учёных сформированы возможные варианты устранения существующих проблем.

Ключевые слова: обстоятельства, исключающие преступность деяния, исполнение приказа, правоохранительные органы, незаконное распоряжение, лицо, исполняющее приказ.

Актуальность выбранной темы, обуславливается прежде всего недостаточной доктринальной базой. А также не четкостью законодателя в терминологиях, отсюда и вытекают проблемы и вопросы в теории и на практике. В настоящее время в теории уголовного права не выработано единого понимания правовой природы исполнения приказа. Связано это с тем, что исследовались лишь отдельные аспекты данного вопроса, и никогда в качестве комплексного института.

Фундаментальная общетеоретическая юридическая наука, выполняя в сфере юридического знания методологическую функцию, естественно, не может игнорировать феномен обстоятельств, исключающих преступность деяния, в силу их большого общесоциального значения. Однако из-за отсутствия общепризнанного теоретико-правового эквивалента понятия «преступность деяния» институт этих обстоятельств исследуется сквозь призму таких категорий, как «исключение юридической ответственности», «исключение противоправности», «освобождение от юридической ответственности». Между тем у этих общеправовых категорий, хотя и имеющих определенное сходство с исследуемыми мной обстоятельствами, юридическая природа все-таки иная. Рассмотрим взгляды юристов-теоретиков на этот счет.

С.А. Комаров и А.В. Малько оперируют несколько иным понятием — «обстоятельства, исключаящие противоправность деяния и юридическую ответственность». К таковым они относят: невменяемость; необходимую оборону; задержание лица, совершившего преступление; крайнюю необходимость; физическое и психическое принуждение; исполнение приказа или распоряжения; малозначительность правонарушения; казус. Примечательно, что приведенный перечень авторы не считают исчерпывающим.

В другой своей работе А.В. Малько к обстоятельствам, исключаящим противоправность деяния и юридическую ответственность, относит следующие: невменяемость (лицо не в состоянии осознавать фактический характер и общественную опасность своего поведения или руководить им); малозначительность правонарушения, не представляющего общественной опасности; казус (случай); а также все обстоятельства, исключаящие преступность деяния, предусмотренные главой 8 Общей части УК РФ.

Согласно В.К. Бабаеву, общеправовым аналогом уголовно-правового феномена «обстоятельств, исключаящих преступность деяния», может быть понятие «обстоятельства, исключаящие противоправность». Этот ученый ставит знак тождества между обстоятельствами, исключаящими противоправность деяния, и обстоятельствами, которые исключают юридическую ответственность. Автор определяет круг подобных обстоятельств, относя к ним: казус, отсутствие события правонарушения, недостижение лицом возраста деликтоспособности и др. Иными словами, действия, в обычных условиях являющиеся правонарушениями, при отсутствии противоправности таковыми не являются.

Обращаясь к истории именно по нашему вопросу, мы понимаем, что впервые в отечественном уголовном законодательстве, не считая не вступивших в силу основ уголовного законодательства СССР и республик 1991г. Получило свою регламентацию новое обстоятельство, исключаящее преступное деяние — исполнение приказа или распоряжения. Согласно ч.1 ст. 42 УК РФ «Не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам лицом, действующим во исполнение обязательных для него приказа или распоряжения. Уголовную ответственность за причинение такого вреда несет лицо, отдавшее незаконные приказ или распоряжение»

Ключевыми терминами данного обстоятельства являются «приказ» и «распоряжение». Согласно п.39 Устава внутренней службы Вооруженных сил РФ, приказ — это распоряжение командира по отношению к подчиненному, требую-

щее от него обязательного выполнение определенных действий, соблюдения каких-либо правил, либо устанавливающее какое-либо положение, порядок. Таким образом, законодательство о военной службе рассматривает понятия «приказ» и «распоряжение» как тождественные. УК обоснованно и справедливо установил одинаковые критерии правомерности исполнения приказа (распоряжения) для военных и гражданских лиц, исходя из конституционного принципа равенства всех граждан перед законом. Обязательность приказа или распоряжения зависит от статуса данных указаний, компетенций лица, от которого они исходят, и соблюдения правил оформления:

- 1) форма указаний (устная или письменная);
- 2) соответствие реквизитов, подписей, печатей (и т.д.)

«установленным образцам»

- 3) порядок доведения указаний до сведения исполнителей (подпись в специальном журнале, свидетельствующая об ознакомлении).

Причинение вреда правоохраняемым интересам при исполнении приказа (распоряжения) не влечет уголовной ответственности, если приказ является законным, т.е. отданным в установленном порядке лицу, обязанному его выполнить, в рамках компетенции, с соблюдением надлежащей формы. Лицо, отдавшее незаконный приказ или распоряжение несет уголовную ответственность за вред, который был причинен в результате их исполнения лицом, для которого данные указания имели обязательный характер. Однако, лицо, исполнившее заведомо незаконный приказ или распоряжение, причинив при этом вред интересам, охраняемым уголовным законом, несет уголовную ответственность на общих основаниях. Заведомость в данном случае характеризуется фактом осознанности незаконности приказа или распоряжения как со стороны лица, давшего указание, так и со стороны лица, исполнившего его. Приказы (распоряжения) законны в случае, когда они не противоречат действующим нормативным актам и носят обязательный характер, а в случае их невыполнения существует возможность наступления юридической ответственности (уголовной, дисциплинарной, административной). Исходя из вышеописанного, УК РФ предоставляет право не исполнять заведомо незаконные приказ или распоряжений, гарантируя при этом ненаступление уголовной ответственности лицам, для которых существует ответственность за неисполнение приказов или распоряжений командиров. Причинение вреда правоохраняемым интересам в результате исполнения незаконного

приказа (распоряжения) при отсутствии условий правомерности рассматривается законодателем как обстоятельство, смягчающее наказание (п. "ж" ч. 1 ст. 61 УК РФ).

В настоящее время существует коллизия норм УК РФ об исполнении приказа или распоряжения с нормами правовых актов, регулирующих порядок несения военной службы¹. Так, в соответствии с ч. 9 Дисциплинарного Устава Вооруженных Сил РФ, утвержденного Указом Президента РФ от 10 ноября 2007 г. № 1495 «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации», основными принципами единоначалия являются право командира отдавать приказ и обязанность подчиненного беспрекословно повиноваться. Также согласно абзаца 2 ч. 108 указанного Устава военнослужащий, подавший жалобу, не освобождается от выполнения приказов и своих должностных и специальных обязанностей. Таким образом, если руководствоваться Уставом, подчиненный не имеет права не исполнять даже заведомо незаконные приказ или распоряжения командира, или начальника. При этом он имеет право на их обжалование, что в свою очередь никак не освобождает его от обязанности их выполнять.

Исходя из вышеизложенного, следует констатировать, что вышеуказанные нормы должны быть приведены в соответствие с УК РФ.

Библиографический список

1. Аликперов Х.Д. Виды норм уголовного законодательства, допускающих компромисс в борьбе с преступностью. Баку, 1992.
2. Баулин Ю.В. Уголовно-правовые проблемы учения об обстоятельствах, исключают преступность (общественную опасность и противоправность) деяния: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 1991.
3. Елеонский В.А. Поощрительные нормы уголовного права и их значение в деятельности органов внутренних дел. Хабаровск, 1984.
4. Загородников Н.И., Стручков Н.А. Направление изучения советского уголовного права // Советское государство и право. 1981.
5. Келина С.Г. Обстоятельства, исключают преступность деяния: понятие и виды // Уголовное право. 1999.
6. Слуцкий И.И. Обстоятельства, исключают уголовную ответственность. Л., 1956.

Р.М. Богомолова, студентка юридического института Алтайского государственного университета

О.Л. Казанцева, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права юридического института Алтайского государственного университета

ИНСТИТУТ ПУБЛИЧНЫХ СЛУШАНИЙ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

В статье проводится сравнительный анализ института публичных слушаний в Российской Федерации и за рубежом, доказывається неоднородность подходов к пониманию публичных слушаний и процедуре их проведения. Делается вывод о том, что одной из главных проблем публичных слушаний как в России, так и в зарубежных странах является недостаточность правового регулирования на федеральном уровне. Перспективами видится совершенствование федерального законодательства и приведение всех муниципальных нормативных правовых актов в соответствие с федеральным законодательством.

Ключевые слова: публичные слушания, правовая природа публичных слушаний, процедура проведения, сравнительно-правовой анализ, зарубежная практика.

Публичные слушания по своей природе являются одним из институтов deliberative демократии, то есть «демократии обсуждения», в рамках которой происходит взаимодействие населения с органами публичной власти, выстраивается их конструктивный диалог.

Актуальность изучения института публичных слушаний заключается в том, что публичные слушания, относясь к формам участия населения в местном самоуправлении, дают возможность жителям муниципального образования влиять на принятие органами местного самоуправления решений по вопросам местного значения. Для российского законодательства данный институт является относительно новым, что вызывает интерес у исследователей к данной теме и необходимость всестороннего её изучения.

Социально-правовая природа публичных слушаний раскрывается в основных признаках.

1. Публичные слушания обеспечивают проведение открытого, свободного и независимого обсуждения общественностью вопросов, имеющих важное значение для населения. Инициаторами публичных слушаний могут выступать

население, органы власти. Каждый житель муниципального образования вправе принять участие в слушаниях.

2. Особенностью публичных слушаний является непосредственное физическое присутствие его участников при обсуждении вопросов [1, с.10].

3. Принимаемые в ходе публичных слушаний решения носят рекомендательный характер для органов власти, но при этом обязательны для рассмотрения и учета при принятии соответствующих решений [2, с. 470].

Таким образом, публичные слушания представляют собой самостоятельный публично-правовой институт, который представлен в виде свободного, открытого обсуждения в форме диалога населения муниципального образования и органов местного самоуправления по вопросам местного значения, решения по которым носят рекомендательный характер для органов власти, но обязательны для рассмотрения и учета.

Правовое регулирование публичных слушаний осуществляется Федеральным законом от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее — ФЗ №131) (ст. 28).

На публичные слушания выносятся: проект устава муниципального образования, проект местного бюджета и отчет о его исполнении, проект стратегии социально-экономического развития муниципального образования, вопросы о преобразовании муниципального образования. К участникам публичных слушаний принято относить заинтересованных жителей муниципального образования, экспертов, представителей органов местного самоуправления, средств массовой информации, общественных объединений и иных лиц, пожелавших принять участие в публичных слушаниях.

В процедуре проведения публичных слушаний можно выделить следующие стадии: 1) назначение публичных слушаний — принятие решения о назначении публичных слушаний по вопросам местного значения не позднее чем за 30 дней до их проведения, его опубликование и обнародование в средствах массовой информации, а также на официальных сайтах органов местного самоуправления в сети Интернет; 2) формирование организационного комитета из числа депутатов представительного органа муниципального образования и сотрудников исполнительно-распорядительного органа муниципального образования, которые берут ответственность за подготовку и проведение публичных слушаний [3]; 3) проведение собрания или собраний участников публичных слушаний; 4) подготовка и оформление протокола публичных слушаний; 5) подготовка и опубликование заключения о результатах публичных слушаний.

Однако уставы муниципальных образований или нормативные правовые акты представительных органов муниципальных образований могут закреплять и дополнительные этапы проведения публичных слушаний. В таком случае соблюдение указанных этапов также будет являться обязательным.

Таким образом, публичные слушания в России имеют широкий круг осуществляемых целей, но основной принято считать обсуждение проектов муниципальных правовых актов по вопросам местного значения. Вопросы проведения публичных слушаний закреплены в федеральном законодательстве, но их перечень не является исчерпывающим.

В США публичные слушания в современном их понимании известны с 1920-х годов, при этом порядок их проведения не менялся по настоящее время. Основы правового регулирования публичных слушаний заложены в федеральном законодательстве и законодательстве штатов, сама же процедура и перечень выносимых на обсуждение вопросов устанавливаются на уровне муниципалитетов. Процедура публичных слушаний в США в целом имеет сходство с процедурой проведения публичных слушаний в России, а именно это прослеживается в круге субъектов публичных слушаний, организационном аппарате и самом порядке проведения. Такое сходство можно объяснить единообразным пониманием социально-правовой природы публичных слушаний в США и России.

Публичные слушания в европейских государствах проводятся, в основном, для градостроительного планирования. В странах Европы при принятии решения о реализации проекта градостроительной застройки необходимо выяснение мнения жителей населенного пункта о планируемом объекте.

Публичные слушания в европейских странах имеют отличную от России и США социально-правовую природу. В рамках предварительного этапа публичных слушаний в европейских странах активно используются опросы населения, Интернет-опросы с целью статистического определения мнения граждан, однако они не должны подменять собой понятия «публичных слушаний», поскольку только непосредственное присутствие участников свидетельствует о выстраивании диалога с органами власти.

В законодательстве Республики Казахстан правовые основы публичных слушаний устанавливаются Законом Республики Казахстан от 27 декабря 2018 года № 204-VI ЗРК «О естественных монополиях», в котором публичные слушания определяются как процедура обсуждения проекта тарифа, норм потребления коммунальных услуг в сферах естественных монополий для потребителей, не имеющих приборов учета, и проведения отчетов перед потребителями и иными заинтересованными лицами.

Ч. 4 ст. 25 Закона определяет участников публичных слушаний, к ним относятся депутаты Парламента Республики Казахстан, маслихаты, представители органов местного самоуправления, государственных органов, субъекта естественной монополии, средства массовой информации, общественные объединения, независимые эксперты, потребители и иные заинтересованные лица. Уполномоченный орган размещает в периодическом печатном издании информацию о публичных слушаниях. Для проведения публичных слушаний из числа сотрудников уполномоченного органа назначается председатель публичных слушаний. Председатель, в свою очередь, назначает секретаря публичных слушаний, который ведет письменный протокол [4, с. 69]. Участники излагают свои позиции, после чего председатель подводит итоги слушаний и закрывает публичные слушания. Мнения, выраженные участниками публичных слушаний, носят рекомендательный характер и принимаются к сведению.

Российский и зарубежный опыт проведения публичных слушаний свидетельствует о наличии проблем в его правовом регулировании. Одной из таковых является недостаточность правового регулирования на федеральном уровне. Так, федеральное законодательство в России не регламентирует способы информирования населения о проведении публичных слушаний, муниципалитеты по своему усмотрению информируют жителей. В законодательстве Республики Казахстан отсутствует четкая и полная процедура проведения публичных слушаний, в частности не установлена процедура регистрации участников публичных слушаний, которыми обычно начинается стадия проведения слушаний.

Перспективами развития публичных слушаний как в России, так и за рубежом является продолжение совершенствования федерального законодательства в части процедуры проведения слушания, приведение муниципальных нормативных правовых актов в соответствие федеральному законодательству, а также развитие механизмов вовлеченности и участия жителей муниципальных образований в решении местных вопросов.

Библиографический список

1. Киселев К.В., Ляпустина М.А., Руденко В.Н. Публичные слушания в муниципальных образованиях. Екатеринбург, 2007.
2. Очертина М.А. Понятие и типология института публичных слушаний // Антиномии. 2008. № 8.
3. Методические рекомендации органам государственной власти и органам местного самоуправления по вопросам реализации механизмов поддержки

социально ориентированных некоммерческих организаций (утв. Минэкономразвития России) // Официальный интернет-портал [Электронный ресурс]. — Электр. дан. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_136557/. — Загл. с экрана.

4. Ахметова К.С. Институт публичных слушаний: правовая природа, проблемы правового регулирования и реализации в Республике Казахстан // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 1.

С.М. Ельникова, студент кафедры теории и истории государства и права Алтайского государственного университета

О.Г. Моисеева, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Алтайского государственного университета

ПРИЧИНЫ ПАДЕНИЯ ЗАПАДНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Исследуются причины кризиса и падения Западной Римской империи. Анализируются теории таких известных авторов, как Д.Л. Крюков, Т.Н. Грановский, С.В. Ешевский, Э. Гиббон, О. Зеек, П. Хизер. В статье рассматривается влияние христианства на процесс падения империи. Результаты исследования привели к выводу о том, что непосредственной причиной падения Западной Римской империи явились социальные, экономические и политические противоречия, политика, проводимая римскими императорами. Нашествие германских племен и подчинение ими Рима рассматривается как следствие гражданских войн, политической анархии и этнической разобщенности населения.

Ключевые слова: падение Римской империи, германские племена, христианство, римская армия, гражданские войны, государственные реформы.

*Великую цивилизацию невозможно завоевать извне,
пока она сама не разрушит себя изнутри.*

У. Дюран.

Рим — государство, просуществовавшее более 1000 лет — в период правления императоров занимал территорию современной Европы, Северной Африки и Ближнего Востока. Но в I тыс. н.э. Римская империя пала. И процесс ее падения, как и причины этого события, изучаются историками и сегодня.

На эту тему было написано множество работ, как отечественными исследователями, так и иностранными авторами. Было проведено несколько выставок

в немецком городе Трире, посвященные причинам падения империи и ее античному наследию.

Из русских ученых наибольший вклад в изучение римской истории в первой половине XIX в. внесли профессора Московского университета Д.Л. Крюков, Т.Н. Грановский, С.В. Ешевский. По мнению Д.Л. Крюкова, деспотизм римских императоров и нравственная деградация римского населения приводили к упадку римского могущества. Т.Н. Грановский, показывая причины разложения общественно-политических порядков и духовных ценностей римского мира, подчеркивал внутренние причины такого разложения, проявившиеся в борьбе различных общественных интересов [1, с. 18].

Большинство исследователей относят падение Рима к 476 г. Но необходимо понимать, что падение империи началось намного раньше и было связано с разрушением государства изнутри.

Британский историк Э. Гиббон в работе «История упадка и разрушения Римской империи» называет причиной гибели Рима постепенное измельчание элит в римском обществе. Многочисленные войны приводили к присоединению к Риму новых территорий, население которых получало права римского гражданства. Многие правители Рима предоставляли римское гражданство провинциальному населению. Так, например, Гай Юлий Цезарь проводил подобную политику по отношению к некоторым восточным провинциям, Греции, Малой Азии и Сирии. Был издан и эдикт императора Каракаллы 212 г., по которому римскими гражданами являлись теперь не только италийцы, но и перегрины, к которым относились галлы, иберы, фракийцы, мавританцы, германцы и др., что привело к полиэтничности империи.

Помимо этого, Гиббон пишет о том, что к падению Римской империи привело распространение христианства. При этом, христианство не избежало раскола, появились новые религиозные течения, такие как, донатизм и арианство, что приводило к сепаратизму некоторых римских провинций, проявившегося в религиозной форме.

Немецкий историк О. Зеек в работе «История падения античного мира», написанной в 1895-1920 гг., впервые последовательно применил расовую теорию для объяснения причин падения античной цивилизации. Причиной гибели античной цивилизации, по мнению исследователя, являлось «истребление лучших», но не подчинение Рима германским племенам [6, с. 208].

Необходимо рассмотреть и такой процесс, как регионализация. Территориальная реформа, проведенная Диоклетианом, привела к разделению империи на несколько частей. И с середины IV в. начинают появляться новые столицы —

Милан, Трир, Равенна, Фесалоники, София, Сирмиум. Рим перестает быть политическим центром, многие императорские эдикты принимаются не в Риме, а в других городах, например, Медиоланский (Миланский) эдикт Константина и Лициниана 313 г.

Постепенно в римских провинциях происходило исчезновение институтов центральной власти, причинами которого являлись социально-экономические изменения римского общества IV-V вв. Если в британских провинциях центральная римская власть прекратила свое существование в 410 г., тогда как определенный уровень провинциальной римской жизни сохранялся там, вероятно, на протяжении еще одного поколения, вплоть до 440-х гг., североафриканские провинции — Проконсульская Африка, Бизацена и Нумидия — отпали от империи в результате завоевания Карфагена вандалами в 439 г. Несмотря на исчезновение римской государственности, некоторые имперские провинции продолжали существовать «по инерции» и после 476 г.

Реформы III-IV вв. привели к прикреплению населения к месту жительства и профессии, напряженности в классовых отношениях, вылившуюся в разные формы социального протеста, который переплетался с сепаратистскими настроениями и религиозными противоречиями, чему способствовали территориальное расширение империи и порабощение покоренных народов. Примерами массовых протестов населения являются восстание в Италии под руководством Спартака, сицилийские движения, движение багаудов в Галлии в III и V вв., социальный протест населения в Африке, принявший религиозную форму. Появляется и такое религиозное течение, как пелагианство, не признающее идеи христианской церкви о греховной природе человека и на этом основании отрицающее рабство.

Непосредственным проявлением социально-экономических противоречий были многочисленные гражданские войны, приводившие к политической анархии. После убийства Коммода в Риме, в разных местах Империи были провозглашены несколько императоров. После этого, с 235 по 284 г., на императорском троне побывало 29 монархов, не считая еще большего числа «незаконных».

Причинами политической анархии в римском государстве и гибели империи некоторые исследователи называют падение нравственности, которое началось еще в период поздней республики. Теория упадка нравов была предложена Посидонием, который, развивая идеи Полибия, рассматривал нравственную деградацию римлян как причину разложения римского общества [3, с.267]. Про падение нравственности в период империи писал Э. Гиббон. По его мнению, «разврат пятнал и общественную, и частную жизнь и что слабых преград, устанавливаемых

законами и приличиями, было недостаточно для того, чтобы сдерживать развитие нравственной распущенности, приносившей, не краснея, в жертву все требования долга и личной пользы для удовлетворения низкой склонности к праздности и к чувственным наслаждениям» [2, с. 970].

Начиная с I в. римская армия наполняется провинциалами, не имевшими прав римского гражданства, называемыми перекринами, что приводит к исчезновению различий между ними и легионными частями. Происходит и постепенная варваризация имперской армии. Население, прикрепленное к месту жительства и профессиям, перестает ее пополнять. Реформированная в III в. римская армия была составлена из принудительно набранных колонов, которыми нередко становились и пленные варвары, проживающие в пограничных провинциях. Императоры с начала IV в. заключали договоры с вождями варварских племен, по которым последние объявлялись союзниками, или федератами империи и превращались в наемные соединения римской армии.

По мнению британского историка П. Хизера, к падению империи привело, прежде всего, нашествие гуннов и германских племенных союзов. Исследователь пишет, что «разные племенные союзы сначала пересекли границу, затем вынудили имперские власти заключить с ними договоры и в конечном счете отторгли от империи столь значительную территорию, что ее финансовые ресурсы иссякли». Империя погибла из-за того, что на ее землях «обосновалось слишком много варварских племенных объединений, которые расширяли свои владения вооруженным путем» [4, с. 680]. Рим постепенно терял принадлежащие ему провинции, на территории которых появлялись королевства варварских племен.

Такая позиция, однако, разделяется не всеми исследователями. Например, Жан-Батист Дюбо, изучая историю поздней римской и меровингской Галлии, писал, что франки не являлись завоевателями Римской империи, поскольку их правители были признаны имперским правительством, и они продолжили римскую государственность [5, с.180]. Таким образом, Дюбо рассматривает V в. в истории Рима не как его падение, а как продолжающееся развитие государства.

Британский историк П. Браун также выдвинул тезис о том, что Римская империя не переживала период заката, и IV-V вв. необходимо рассматривать не как ее падение, а как дальнейшее развитие. По мнению Брауна, IV в. считают периодом падения Рима только потому, что исследователи проводят сравнения между ним и II в. в истории Римской империи, периодом, называемым «золотым веком», когда развивалось сельское хозяйство, ремесло, торговля, изменилось юридическое положение некоторых слоев населения, прежде всего рабов, которым были предоставлены некоторые права. И поэтому IV в., находясь «в тени»

II в., называется периодом упадка римского государства. Подобные теории, однако, признаются не многими исследователями.

Исходя из изложенного, можем прийти к следующим выводам. Причинами падения империи являются политические, экономические, социальные и религиозные противоречия. Территориальное расширение империи приводило к проявлению сепаратистских настроений отдельных провинций. Исчезновение политического центра, явившееся результатом проведенных в III в. реформ, являлось причиной регионализации империи и последовавшего за этим распада государства. Гражданские войны приводили к постоянному переходу власти к новым императорам в разных частях империи. Наемные варварские племена, из которых теперь состояла римская армия, принимавшая непосредственное участие в государственных переворотах, приобрели независимость от римского правительства. Империя постепенно теряла принадлежащие ей территории, на которых появлялись королевства германских племен, преобразовавшиеся позже в первые европейские государства.

Широкое распространение по всей империи новой христианской религии являлось одним из проявлений классового недовольства широких масс населения, но последовавший раскол привел к религиозному противостоянию общественных групп.

Именно эти проблемы, постепенно разрушая римское государство, и привели к его падению. При этом, первые трещины в римском государстве появились не из-за нашествия германских племен, а из-за внутренних противоречий, постепенно разрушавших империю изнутри. Нашествие варваров только подтолкнуло Рим к пропасти, к которой он приближался уже несколько столетий. Именно поэтому, 476 г., когда германские племена ударили по полуразрушенному государству, стал последним годом в истории римской империи. На ее развалинах появились новые государства, новые политические образования. Начался период средневековой Европы.

Библиографический список

1. Кузищин, В.И. История Древнего Рима : учебное пособие / В.И. Кузищин. – Текст: непосредственный. – Москва : Высшая школа, 1981.
2. Гиббон, Э. История упадка и разрушения Римской империи : монография / Э. Гиббон. – Текст : непосредственный. – Москва : Академический проект, 2023.
3. Утченко, С.Л. Древний Рим. События. Люди. Идеи : монография / С.Л. Утченко. – Текст : непосредственный. – Москва : Наука, 1969.

4. Хизер, П. Падение Римской империи : монография / П. Хизер. – Текст : непосредственный. – Москва : АСТ, 2010.
5. Вуд, И. Споры о падении Рима: от «старого порядка» до создания «поздней Античности» / И. Вуд. – Текст : электронный // VMA. – 2019. – №1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spory-o-padenii-rima-ot-starogo-poryadka-do-sozdaniya-rozdney-antichnosti> (дата обращения: 10.04.2023).
6. Кальдероне, С. К истокам «конца» Западной Римской империи / С. Кальдероне. – Текст : электронный // *Studia historica.* – 2017. – Вып. XV. – 205-228 с. – URL: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1530458689> (дата обращения: 11.04.2023).

Д.С. Злобина, студент кафедры теории и истории государства и права Алтайского государственного университета
Научный руководитель — В.В. Беденков, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Алтайского государственного университета

ДХАРМАШАСТРЫ КАК ИСТОЧНИК РЕЛИГИОЗНО-ПРАВОВЫХ НОРМ ДРЕВНЕЙ ИНДИИ

Изучена неразрывная связь между религиозными и правовыми нормами в обществе Древней Индии. Рассмотрена роль дхармашастр. Сопоставлены основные точки зрения о характере их содержания, изучено их происхождение и состав. Вне зависимости от угла, под которым рассматривается сущность этих источников религии и права, можно с уверенностью утверждать, что они как бы юридически оформляют стадии жизни индуса того времени и варно-кастовый строй, фактически существующий и в современности.

Ключевые слова: дхармашастры, Древняя Индия, индуизм, религиозно-правовые нормы.

В 2023 году Индия вышла на первое место по количеству населения, обогнав Китай почти на три миллиона человек. В настоящий момент Россия имеет тесные торговые связи с Индией. Отдельные культурные аспекты индийского общества находят отражение даже в современной российской поп-культуре. Прогнозы аналитиков предрекают дальнейшее укрепление российско-индийских отношений и их перспективность. Актуальность выбранной темы в том, что изучение дхармашастр, как истоков религиозно-правового массива, в условиях

которого с древнейших времен функционировало индийское общество, будет способствовать лучшему пониманию национального сознания нашей страны-партнера, что, в свою очередь, позволит упрочить отношения между странами.

Для изучения этого источника норм древнеиндийского общества нами были использованы такие научные методы, как сравнительно-сопоставительный анализ, работа со статьями и монографиями.

Национальной религией Индии является индуизм. Названием эта религия обязана реке Инд, на которой располагается страна. Это наименование было введено англичанами. Сами же индусы на санскрите называют свою религию санатана-дхарма – «вечная религия», «вечный путь» или «вечный закон». Таким образом, мы видим, что в основе сущности индийской религии уже лежит связь с правом.

В принципе было бы неправильно выделять в древнеиндийском обществе нормы сугубо религиозные, сугубо моральные и сугубо правовые. Понятия права как совокупности независимых от других видов социальных норм, регулирующих общественные отношения, не существовало. Повседневная жизнь индийцев подчинялась правилам, утверждаемым в нормах, по своему характеру являвшихся скорее религиозно-этическими, чем правовыми. Они содержались в ритуально-правовых сборниках – Дхармашастрах (в переводе с санскрита: «дхарма» — «правила, нормы», «шастра» — «текст, комментарий»). Наиболее известной, древней и авторитетной Дхармашастрой являются Законы Ману, мифического полубога, [1, с. 17-20] Яджнавалкьи и Нарады.

Дхармашастры писались различными религиозными школами, брахманами, также было принято считать, что их диктовал и сам бог. Они получили широкое распространение на всей территории Древней Индии, не являлись официальными законами, но их соблюдение считалось обязательным, и каждый уважаемый человек должен был их соблюдать в зависимости от занимаемого положения в обществе [2, с. 1]. То есть, не будучи нормами позитивного права, Дхармашастры обладали некоторыми его свойствами, такими как общеобязательная нормативность, системность, определенность содержания и волевой характер. Имелась также определенная связь с государством, которое в ряде случаев могло накладывать санкции за невыполнение этих норм.

Сложились дхармашастры из сочетания ведийских дхармасутр, грхьясутр (руководств домашней жизни) и обычного права. Если дхармасутры написаны большей частью эпическими двустишиями (шлоками) и имели значение для какой-либо ведийской школы, то дхармашастры оказались более универсальными,

писались преимущественно прозой, и получили гораздо более широкое распространение.

Существуют две основные точки зрения о характере содержания Дхармашастр. Согласно представлениям первой, Дхармашастра — это сборник правовых сводов, который содержит нормы, применяемые при разрешении судами дел в добританской Индии и её предметом является право и закон. Данную позицию разделяет ряд иностранных исследователей (П.Н. Сен, Н. Сен Гупта, П.В. Кане) [3, с. 5-6]. Также её придерживается советский и российский учёный Н.А. Крашенинникова. Она считает, что «предписания дхармашастр носили обязательный, правовой характер», «скорее всего эти дхармашастры создавались не в старых ведических школах, а в специальных брахманских школах, занимающихся исключительно проблемами дхармы. Религия, оставаясь мощным фактором идеологического и психологического воздействия, призванного внушать уважение к праву, уступала в таких школах место формированию юридических норм» [4, с. 77]. Иными словами, представители этой концепции сущности дхармашастр утверждают о правовом, а не религиозном или этическом характере этой сущности.

Другие ученые, напротив, полагали, что составители шастр (шастрины) вовсе не имели в виду создания правовых текстов; в центре их внимания была разрабатывавшаяся веками система воззрений, которая содержала детальные предписания на все случаи жизни, то есть этическая модель. Предписания древних мудрецов не имели обязательной силы, и сформулированы они были как пожелания к поведению уважаемого человека, а не как законы. Речь идет о различных для разных социальных групп и ашрам (стадий жизни) традиционных правилах поведения, выполнение которых является религиозной заслугой, а нарушение — религиозным и моральным проступком, приводящим к деструктивным последствиям как в этой, так и в загробной жизни. Право же представлено здесь не само по себе, а как предмет этики в понимании дхармашастр. Составители дхармашастр, по сути, имели дело не с религией и правом в чистом виде, а с религией и правом как важными компонентами этики [1, с. 15]. Немецкий ученый И.Я. Мейер также считал, что дхармашастры по своей сущности менее всего являлись правовыми сочинениями, но связывал их появление с первобытным суеверием и страхом, а потому предполагал, что дхармашастры, скорее, являлись колдовскими книгами. По его мнению, право должно было сложиться не в ведийских школах и не в ведийских дхармсутрах; истоки его нужно искать в обычаях народа, а не высшего, брахманского сословия и в практике судопроизводства царского двора. Основная идея ученого сводится к тому, что дхармашастры

демонстрируют не развитие права, а постепенное включение светского права в тексты ритуально-магического содержания [5, с. 14-15].

Как бы то ни было, дхармашастры включали в себя широкий спектр различных норм: религиозных и ритуально-обрядовых, семейных, правовых, политических и нравственных. Они дают нам представление об ашрамах (стадиях жизни индуса) и варно-кастовом строе, который по сей день сохраняется, хотя формально не допускается Конституцией 1950 года.

Нормы обычного права, как правило, всегда наглядно выполняют воспитательную функцию права. Они закрепляли в сознании членов древнеиндийского общества обычаи как ценности. Брахманы в Древней Индии способствовали формированию мировоззрения общества, поддержанию и соблюдению общественных традиций, освещению и толкованию религиозных, правовых норм. По содержанию своей деятельности в обществе и государстве Древней Индии брахман являлся учителем, обучающим «священному праву Индии» (в этой цитате мы в очередной раз наблюдаем сакрализацию древнеиндийского права), тем социальным нормам, которые в процессе исторического развития сменили нормы первобытного равенства [6, с. 177].

Подводя итог, хочу сказать, что дхармашастры, безусловно, представляют собой интереснейший источник изучения основ религиозно-правового сознания и норм Древней Индии. Однако ни историки религии, ни непосредственно специалисты по индуизму не уделяют им должного внимания.

Библиографический список

1. Дхармашастра Нарады. Пер. с санскрита и коммент. А.А.Вигасина и А.М.Самозванцева. Вступ. ст. А.А.Вигасина. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998. — 256 с. URL: 4119_1_o.pdf (indostan.ru)
2. Пашкова С.Г. Дхармашастры и их значение в качестве источника права // Научный вестник Крыма. - 2021. - №1(30);
3. Самозванцев А.М. Правовой текст дхармашастры. М.: Наука, 1991. 295 с.
4. Крашенинникова Н.А. Источники древнеиндийского права и их развитие в средневековой Индии // Правоведение. 1980. № 1. С. 76–81.
5. Вигасин А.А., Самозванцев А.М. «Артхашастра»: проблемы социальной структуры и права. М.: Наука, 1984. 253 с.
6. Сердюков А. А. Право в Древней Индии: современное состояние изучения // Вестник Владимирского юридического института. 2021. № 3(60). С. 175–178.

*Н.В. Иванова, студентка кафедры уголовного процесса и криминалистики
Алтайского государственного университета*

*Научный руководитель — Т.В. Якушева, кандидат юридических наук, доцент
кафедры уголовного процесса и криминалистики Алтайского государственного
университета*

ОПРАВДАТЕЛЬНЫЙ ПРИГОВОР: ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ФОРМА И СТАТИСТИКА

Представлены направления исследования процессуальной формы оправдательных приговоров в России, а также сравнительная статистика периода СССР и зарубежных стран. Выделены исторические этапы, различающиеся уровнем вынесенных приговоров в оправдательном ключе. Современный уровень количества оправдательных приговоров рассматривается с точки зрения совершенствования законодательства.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, оправдательный приговор, реабилитирующие основания, судебная практика.

Оправдательный приговор — это процессуальный акт, который выносит суд после изучения всех материалов дела и доказательств, если в ходе процесса вина гражданина не была подтверждена. Хотя на практике это происходит достаточно редко. В основном уголовные дела, доведенные до суда, заканчиваются вынесением обвинительного приговора. Отменить данный акт впоследствии практически невозможно [1, с. 955].

Составление, подписание и провозглашение оправдательного приговора. Для оправдания подсудимого принимается решение, которое представляет собой некую внешнюю процессуальную форму оправдания. Оправдательный приговор подчиняется все тем-же правилам оформления и провозглашается по общим для судебных приговоров правилам, а так-же как и обвинительный имеет три части: вводную, описательно-мотивировочную и резолютивную. Но не стоит забывать, что составные части оправдательного приговора имеют свои существенные особенности.

Основаниями для постановления судом оправдательного решения являются следующие обстоятельства:

- 1) не установлено событие преступления;
- 2) подсудимый не причастен к совершению преступления;
- 3) в деянии подсудимого отсутствует состав преступления;

4) в отношении подсудимого коллегией присяжных заседателей вынесен оправдательный вердикт.

На сегодняшний день исполнение оправдательного приговора проявляется в двух аспектах:

1. Традиционный — он выражается обязанностью привести приговор суда в исполнение незамедлительно, в зале суда и освободить подсудимого из-под стражи, если в отношении подсудимого действовала мера «заключение под стражу». В данном аспекте исполнения приговора его исполнение наступает до его вступления в законную силу и независимо от обжалования участниками уголовного судопроизводства, таким образом она не имеет суспензивного эффекта и не препятствует исполнению.

2. Новейший — он выражается в моменте, когда суд рассматривает вопросы, связанные с последующей реабилитацией и восстановлением прав гражданина. Момент исполнения оправдательного приговора происходит на общих основаниях и только после его вступления в законную силу по истечении срока на апелляционное обжалование либо по рассмотрении апелляционной жалобы или представления.

Изучая этот вопрос, невозможно обойти статистику в России в 2022 году количество оправдательных приговоров составило 0,33 %, всего было осуждено более 614 тысяч человек. Об этом сообщается в статистике Судебного департамента при Верховном суде РФ.

Отмечается, что оправданы были лишь 2062 человека, в то время как количество осужденных составило 614 726 граждан. При этом около четверти оправдательных приговоров связаны с делами частного обвинения, то есть с обращением в суд граждан, без участия прокуратуры, в том числе речь идет о побоях, клевете и нанесении легкого вреда здоровью [3].

Кроме того, еще около тысячи дел было прекращено по реабилитирующим основаниям, а еще почти 160 тысяч — по нереабилитирующим основаниям.

Исходя из имеющейся статистики можно провести сравнение с судебной практикой вынесения оправдательных приговоров в СССР.

Количество оправдательных приговоров в советское время было более 10%. Связано это не только с невысоким качеством следствия. Во многом это результат преобразований - судей провозгласили народными.

Этот показатель можно сравнить с тем, который имеет место в современной России. Возможно, причина колоссальной разницы между количеством оправдательных приговоров двух эпох кроется не столько в гуманности сталинской су-

дебной системы, сколько в особенностях российского судопроизводства. Например, в наше время в странах Евросоюза число оправдательных приговоров находится в районе от 5% до 17%, что сравнимо с данными по СССР конца 1930-х годов. Самый низкий уровень по числу оправдательных приговоров в России наблюдался в 1993 году — 0,3%.

На данный момент характер выносимых судами решений говорит нам о подавляющем большинстве вынесения обвинительных приговоров в настоящее время.

Для сравнения можно так же рассмотреть статистику вынесения оправдательных приговоров в суде присяжных, в XX веке суд присяжных выносил оправдательные решения в отношении 25 % подсудимых. На данный момент количество таких решений безумно мало, проценты вынесения оправдательных приговоров в современной России обусловили законодательную инициативу Президента Российской Федерации В. В. Путина в феврале 2016 года о расширении сферы применения суда присяжных до уровня районных судов в целях обеспечения доступности данной формы правосудия для граждан, но положительный результат в пользу оправдательных приговоров отсутствует [2, с. 92].

В СССР оправдательные приговоры получили большую статистику в момент, когда уничтожались «враги народа» несудебными методами. В связи с неудовлетворительным уровнем предварительного следствия народными судами РСФСР в период с 1935 г. по 1941 выносилось свыше 10% оправдательных приговоров.

Увеличение числа оправдательных приговоров в начале 2000-х можно связать с введением в действие УПК РФ 2001 года, в котором были расширены права защитников, появилась возможность отказа прокурора от обвинения в ходе судебного разбирательства, что влечет прекращение уголовного дела.

Так же рост обвинительных приговоров связан с особым порядком судопроизводства, который в России активно стали применять с 2002 года. По нему, обвиняемый полностью соглашается с обвинением, и приговор выносят без изучения доказательств.

Таким образом, очевидна разница в количестве постановляемых оправдательных приговоров ранее и в настоящее время.

В результате проведенного анализа данных судебной статистики подтвердился основной тезис об искусственном ограничении уровня оправдательных приговоров, выносимых судами Российской Федерации, на уровне менее 1% и его крайне низком значении в сравнении с аналогичными показателями мировой судебной практики [5, с. 69].

Тем не менее, применительно к результатам деятельности судов присяжных, каждый седьмой вердикт является оправдательным.

Таким образом, оправдательный приговор можно определить как акт правосудия, обладающий определенными внутренними и внешними свойствами.

Малое количество оправдательных приговоров в России на сегодняшний день отчасти компенсируется небольшим количеством реальных тюремных сроков. Так, за последние годы к лишению свободы приговаривалось чуть более 30% подсудимых, примерно для 68% история заканчивалась обвинительным приговором, после которого они выходили на свободу.

Библиографический список

1. Курс уголовного процесса / под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головки. — 2-е изд., испр. — М.: Статут, 2017.
2. Лузик А.А., Омельченко Т.В. Оправдательный приговор в системе правосудия // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. — 2016. — Т. 2 (68). — № 3.
3. Коротеева Н.А. Проблемы вынесения большого числа оправдательных приговоров судом с участием присяжных заседателей // Вестник науки и образования. — 2022. — № 1 (121). — Часть 1.
4. Миронова М. А. Институт оправдания в уголовном процессе: структура, признаки и перспективы развития // Судебная власть и уголовный процесс. — 2021. — № 1.
5. Чурилов Ю.Ю. Актуальные проблемы постановления оправдательного приговора в российском уголовном судопроизводстве: монография. — М.: Юристь, 2010.

Ю.В. Игнатьева, студент кафедры конституционного и международного права Алтайского государственного университета

О.Л. Казанцева, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права Алтайского государственного университета

ИНСТИТУТ ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ ИНИЦИАТИВЫ: ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ И ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ

В работе представлены тезисные определения механизма института правотворческой инициативы в Российской Федерации. Выражены особенности реализации регионального проявления данного правового института. Отмечены не-

достатки и проблемы законодательного регулирования правотворческой инициативы граждан, выдвинуты положения о реформировании системы правотворческих инициатив в Российской Федерации.

Ключевые слова: правотворческая инициатива, система народовластия, местное самоуправление, муниципальный правовой акт.

В Российской Федерации граждане обладают правом правотворческой инициативы. При этом наиболее ощутимую роль это право играет на муниципальном уровне, где наблюдается высокая самоорганизация населения.

Создание такого института стало необходимостью в связи с тем, что правотворчество не всегда отражает и учитывает интересы муниципального сообщества.

Для изменения существующей практики внедрен институт правотворческой инициативы - механизм, позволяющий гражданам активно участвовать в разработке правовых актов и принимать участие в решении важных вопросов.

Актуальным представляется вопрос о порядке реализации правотворческой инициативы, совершенствовании механизма ее осуществления, привлечения внимания к наиболее актуальным вопросам процесса самоорганизации и др. Российское законодательство не содержит четкого определения правотворческой инициативы граждан, в связи с чем, наблюдается неоднозначность толкования сущности этого института.

В Конституции РФ 1993 г. право на правотворческую инициативу не предусмотрено. П. 1 ст. 26 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» также не в полной мере дает определение понятия «правотворческая инициатива». В соответствии с Положением о правотворческой инициативе граждан в городе Барнауле, утв. решением городской Думы от 27.04.2018 №115 под правотворческой инициативой понимается право граждан, обладающих избирательным правом и проживающих на территории города Барнаула, вносить на рассмотрение органов и должностных лиц местного самоуправления города Барнаула проекты муниципальных правовых актов по вопросам местного значения городского округа в порядке, установленном Положением. Анализируя данное Положение, можно отметить, что процедура реализации правотворческой инициативы достаточно сложная.

В стадии правотворческой инициативы можно включить:

1. Определение предмета местной правотворческой инициативы. Во многих муниципальных правовых актах можно встретить общие формулировки о том, что посредством правотворческой инициативы могут вноситься проекты муниципальных правовых актов по вопросам местного значения в соответствии с их компетенцией. Не могут вноситься в порядке реализации правотворческой инициативы проекты муниципальных правовых актов о бюджете муниципального образования, а также проекты правовых актов, предмет регулирования которых не относится к компетенции органов местного самоуправления или должностных лиц местного самоуправления муниципального образования.

2. Формирование инициативной группы. С правотворческой инициативой может выступить инициативная группа граждан, обладающих избирательным правом, проживающих на территории муниципального образования. Численность инициативной группы определяется муниципальным актом.

3. Внесение проекта муниципального правового акта. В целях реализации правотворческой инициативы член инициативной группы, уполномоченный представлять инициативную группу, в течение срока своих полномочий подает (направляет) в уполномоченный орган заявление о внесении проекта муниципального правового акта с приложением следующих документов: проект муниципального правового акта; пояснительная записка к проекту муниципального правового акта, содержащая обоснование необходимости принятия муниципального правового акта, характеристику цели правового регулирования и описание основных положений проекта муниципального правового акта; финансово-экономическое обоснование (в случае внесения проекта муниципального правового акта, реализация которого потребует дополнительных материальных, финансовых и иных затрат); перечень муниципальных правовых актов, подлежащих признанию утратившими силу, приостановлению, изменению, дополнению или принятию в связи с принятием проекта муниципального правового акта; список членов инициативной группы; решение о выступлении с правотворческой инициативой, оформленное в соответствии с законодательством.

4. Рассмотрение проекта муниципального правового акта. Проект муниципального правового акта, внесенный в порядке реализации правотворческой инициативы, в течение трех месяцев со дня его внесения подлежит обязательному рассмотрению уполномоченным органом.

В случае принятия к рассмотрению уполномоченным органом проекта муниципального правового акта, подлежащего вынесению на общественное обсуждение или публичные слушания, до рассмотрения данного проекта организуются и проводятся его общественное обсуждение или публичные слушания в порядке, установленном муниципальными правовыми актами.

Проект решения, внесенный в представительный орган, подлежит обязательному рассмотрению и обсуждению на открытом заседании.

Проекты иных муниципальных правовых актов, внесенные в иные органы (должностным лицам) местного самоуправления, к компетенции которых относится принятие соответствующих муниципальных правовых актов, подлежат рассмотрению руководителями органов (должностными лицами) местного самоуправления или уполномоченными ими лицами.

5. Результаты рассмотрения проекта муниципального правового акта. По результатам рассмотрения проекта муниципального правового акта уполномоченным органом принимается мотивированное решение

о подготовке данного проекта к принятию (как в предложенной редакции без изменений, так и с изменениями и (или) дополнениями) либо

об отклонении проекта муниципального правового акта. О принятом решении информируется инициативная группа.

Проект муниципального правового акта может быть отклонен при необходимости его доработки или нецелесообразности его принятия.

Несмотря на громоздкую процедуру, институт правотворческой инициативы является необходимым элементом демократического общества [1, 2]. Он позволяет гражданам участвовать в формировании нормотворчества, защищать свои интересы, а также повышает ответственность власти перед населением.

Важно продолжать развивать этот институт и учитывать мнение общественности при принятии решений, чтобы создавать более справедливое и эффективное государство.

Библиографический список

1. Евтушенко Д.О., Лебедева Ю.Н. Правотворческая инициатива граждан: проблемы правового регулирования и реализации // Евразийский юридический журнал. 2020. № 10 (149). С. 101-103.

2. Казанцева О.Л. Местное самоуправление в России: де-юре и де-факто // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2019. Т. 5. № 4. С. 103-121.

Г.Г. Казарян, студент кафедры конституционного и международного права Алтайского государственного университета

О.Л. Казанцева, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права Алтайского государственного университета

ГОЛОСОВАНИЕ ЗА ОТСУСТВУЮЩИХ ДЕПУТАТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ РФ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Статья посвящена изучению порядка голосования депутатами Госдумы РФ при принятии федеральных законов, анализу существующих источников правового регулирования данной процедуры, выявлению проблем, связанных с голосованием за отсутствующих депутатов, а также формулированию предложения по устранению сложившейся практики голосования за отсутствующих коллег.

Ключевые слова: законодательство, Государственная Дума, депутат, источники права, правовые позиции Конституционного Суда РФ, правовой обычай.

Актуальность выбранной темы вызвана имеющимися проблемами при голосовании за отсутствующих депутатов при принятии законов, что может привести к недемократичным решениям, а также к подрыву общественного доверия к законодательным органам. В Российской Федерации голосование за отсутствующих депутатов запрещено действующим законодательством.

Согласно ст. 3 Конституции Российской Федерации, единственным источником власти в России является ее многонациональный народ, который может осуществлять свою власть как непосредственно, так и через органы государственной власти, а также органы местного самоуправления.

Одним из таких органов является Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации, депутаты которой избираются гражданами РФ.

Согласно ч. 3 ст. 12 Федерального закона от 08.05.1994 № 3-ФЗ «О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», депутаты обязаны принимать личное участие в заседаниях Государственной Думы, комитета, комиссии, согласительной и специальной комиссии, членами которых они являются, в порядке, установленном Регламентом Государственной Думы Российской Федерации. Аналогичная норма содержится в ст. 85 Регламента Государственной Думы Российской Федерации.

Однако существующая правовая база не применяется, поскольку в Государственной Думе Российской Федерации сложился свой правовой обычай, который заключается в голосовании за отсутствующих на заседаниях коллег. Такая процедура не способствует выражению представительной демократии и несправедлива по отношению к самим избирателям.

Конституционный Суд Российской Федерации еще в 1999 году постановил, что соблюдение требования о личном голосовании депутатов является обязательным, но при этом не исключил возможность внесения в Регламент Государственной Думы Российской Федерации дополнений, касающихся порядка передачи депутатом своего голоса в связи с отсутствием на заседании по обстоятельствам, имеющим исключительный характер.

В настоящее время не предусматривается возможность для депутата, находящегося вне Государственной Думы Российской Федерации даже по уважительным причинам, выразить свою волю, передать свой голос другому депутату, а следовательно, голосование за отсутствующих парламентариев не допускается, хотя принцип личного участия депутата в голосовании не исключает того, чтобы на случай таких обстоятельств, как чрезвычайные ситуации на местах, болезнь, направление в командировку, необходимую для выполнения функций палаты, и других обстоятельств экстраординарного характера в Регламенте Государственной Думы Российской Федерации была закреплена процедура передачи депутатом своего голоса другому депутату с указанием, как им распорядиться при голосовании.

В ч. 2 ст. 85 Регламента Государственной Думы Российской Федерации лишь закреплено право депутата, отсутствующего на заседании по уважительным причинам, к которым относятся временная нетрудоспособность, направление за пределы Российской Федерации в составе официальной парламентской делегации, направление в служебную командировку по распоряжению Председателя Государственной Думы Российской Федерации на основании представления руководителя фракции, в состав которой входит депутат, выразить свою позицию по любому вопросу порядка работы заседания палаты в заявлении на имя Председателя Государственной Думы Российской Федерации, которая отражается в стенограмме заседания законодательного органа.

По итогу, данный вопрос попал под регулирование трех источников права: постановления Конституционного Суда Российской Федерации, Регламента Государственной Думы Российской Федерации, а также сложившегося правового обычая.

Представляется, что приоритет в правовом регулировании данного вопроса должен принадлежать правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, так как, по сравнению с иными источниками, они имеют большую юридическую силу.

Конституционный Суд Российской Федерации признал сложившийся правовой обычай неправомерным, так как подобными действиями депутатов нарушается принцип личного голосования, который, согласно Постановлению от 20.07.1999 года №12-П, является обязательным.

Для решения данной проблемы предлагается ввести общественный контроль, а также разработать и внедрить систему идентификации депутатов по биометрическим данным. Благодаря этому, депутаты не смогут голосовать друг за друга и прогуливать заседания, явка на которые является их прямой обязанностью.

Представляется, что данные новшества смогли бы показать свою эффективность, но а на данный момент оптимальным решением видится механизм голосования по доверенности, согласно которому депутаты, в случае отсутствия возможности явиться на заседание (в особо исключительных случаях), смогли бы выразить свою волю с помощью своих коллег. В доверенности можно было бы указать свою позицию по тем или иным вопросам повестки. Такой способ позволил бы учесть мнение конкретного депутата при голосовании за выносимый на обсуждение законопроект, учитывая то, что Конституционный Суд Российской Федерации признал эту возможность не противоречащей Основному Закону государства.

Данный вопрос является очень актуальным и нуждается в однозначном правовом регулировании, так как при принятии законов должны соблюдаться базовые принципы законности и представительства, стоящие в основе российского демократического государства [1, 2, 3].

Библиографический список

1. Винокуров А.Ю. Принцип законности как основа функционирования органов публичной власти и институтов гражданского общества // Вестник университета прокуратуры Российской Федерации. — 2022. — № 6 (80). — С. 5-10.
2. Кравченко, Л.А. Парламент как институт представительной демократии // Конституционное и муниципальное право. 2002. — № 2. — С. 22-27.
3. Чичерин, Б.Н. О народном представительстве / Б.Н. Чичерин. — М., 1866. — 552с.

А.Р. Ковалёва, студентка 2 курса Юридического института Алтайского государственного университета

Научный руководитель — Д.А. Казанцев, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии

ПРОБЛЕМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ УСЛОВИЙ ПРАВОМЕРНОСТИ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА ПРИ ЗАДЕРЖАНИИ ЛИЦА, СОВЕРШИВШЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЕ

В статье рассматриваются условия правомерности причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление. Проводится анализ закрепленной в законе цели задержания преступника. На основе анализа мнений ученых отмечается, что многие условия являются противоречивыми и содержат ряд проблемных вопросов, которые нуждаются в дополнительной законодательной регламентации. В исследовании предлагаются возможные пути совершенствования проблем причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление.

Ключевые слова: условия правомерности, причинение вреда, задержание преступника, обстоятельства задержания, пресечение преступлений.

Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, ст. 38 УК РФ: «Не является преступлением причинение вреда лицу, совершившему преступление, при его задержании для доставления органами власти и пресечения возможности совершения им новых преступлений, если иными средствами задержать такое лицо не представлялось возможным и при этом не было допущено превышения необходимых для этого мер». Правовой аспект причинения вреда лицу, совершившему преступление, состоит в правомерности таких действий при условиях, указанных в ст. 38 УК РФ [1].

Обратимся к этим условиям.

Первое условие заключается в том, что задерживать разрешено исключительно лицо, совершившее преступление. Следовательно, основанием для задержания не может быть совершение лицом административного, гражданского или дисциплинарного правонарушения. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 [2] указывается, что к лицам, совершившим преступление, следует относить лиц, совершивших как оконченное, так и неоконченное преступление, а также соучастников соответствующего преступления. Если при задержании лицо добросовестно заблуждалось относительно характера совершенного задержанным лицом противоправного деяния, приняв за преступление

административное правонарушение или деяние лица, не достигшего возраста уголовной ответственности. либо лица в состоянии невменяемости. в тех случаях, когда обстановка давала основания полагать, что совершалось преступление, и лицо, осуществлявшее задержание, не осознавало и не могло осознавать действительный характер совершавшегося деяния, его действия следует оценивать по правилам ст. 38 УК РФ, в том числе и о допустимых пределах причинения вреда.

Одним из проблемных аспектов является вопрос о возможности применения положений ст. 38 УК РФ при задержании лиц, не достигших возраста уголовной ответственности или невменяемых, а также совершивших деяние, не содержащее всех признаков конкретного состава преступления. Андрей Вячеславович Никуленко отмечает, что законодатель, закрепляя в законе возможность причинять вред при задержании исключительно лицу, совершившему преступление, возлагает на лицо, производящее задержание, сложную задачу определить наличие состава преступления в совершенном общественно опасном деянии и определить, является ли лицо субъектом конкретного преступления [3].

Нельзя не согласиться с приведенным мнением автора, так как устанавливать вышесказанное должны компетентные государственные органы. Из этого следует необходимость закрепления в законодательстве возможности задерживать любое лицо, совершившее посягательство на охраняемые уголовным законом интересы личности, общества и государства. Так же следует отметить особую важность закрепления в законодательстве возможности правомерного причинения вреда при задержании лица, совершившего деяние в состоянии невменяемости, так как такие лица зачастую характеризуются большей степенью социальной опасности, чем лица, подлежащие уголовной ответственности.

Вторым условием правомерности причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, является достижение установленной законом цели доставление лица, совершившего общественно опасное деяние, органам власти и пресечение возможности совершения им новых преступлений. В научной литературе высказываются мнения о несовершенстве содержащейся в законе формулировки цели, а именно указания в тексте ст. 38 УК РФ на цель «пресечение совершения новых преступлений».

Третье условие заключается в вынужденности причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление. Данное условие состоит в том, что правомерным признается только такое причинение вреда, когда исходя из сложившейся обстановки задержание преступника иными средствами не представляется возможным. Вопрос о том, являлся ли вред, причиненный преступнику

при его задержании, вынужденным, в каждом случае определяют государственные органы, учитывая обстановку задержания, личность преступника и многие другие факторы.

Четвёртое условие состоит в недопустимости превышения необходимых для задержания мер. Согласно ч. 2 ст. 38 УК РФ превышением мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, является их явное несоответствие характеру и степени общественной опасности совершенного задерживаемым лицом преступления и обстоятельствам задержания. Понятие «явное несоответствие» является оценочным. Неправильная оценка этих обстоятельств способна привести к судебным ошибкам.

Так, М., был осужден по ч. 2 ст. 114 УК РФ за то, что в ходе задержания несовершеннолетнего К. после совершения последним разбойного нападения на сторожа воскресной школы, превышая меры, необходимые для задержания, умышленно причинил ему тяжкий вред здоровью. Вышестоящая судебная инстанция приговор отменила и прекратила уголовное дело за отсутствием в деянии состава преступления, указав при этом, что с учетом обстановки нельзя сделать вывод о том, что принятые М. меры явно не соответствуют характеру и степени общественной опасности совершаемого задерживаемыми лицами преступления, совершенного с насилием, опасным для жизни сторожа школы

Одним из спорных моментов в науке уголовного права является вопрос о возможности причинения вреда за совершение нетяжких преступлений, а также причинения в результате задержания смерти преступнику. По мнению некоторых ученых, допускать телесное повреждение допускается исключительно при задержании преступника, совершившего тяжкое преступление. Противоположную точку зрения высказывает Валерий Анатольевич Блинников, который считает, что неверно рассматривать возможность причинения вреда исключительно в случае задержания лиц, совершивших тяжкие преступления, поскольку это может привести к ограничению права граждан на задержание лиц, совершивших общественно опасные деяния [4]. Последняя точка зрения мне кажется более верной, так как нередко, иным способом, помимо причинения телесных повреждений, произвести задержание преступника в сложившейся обстановке невозможно.

Интересную позицию относительно возможности причинения преступнику смерти при его задержании высказывает В.Д. Иванов, по мнению которого причинение смерти преступнику противоречило бы одной из закрепленных в ст. 38 УК РФ целей задержания лица – доставление в органы власти [5]. Некоторые авторы указывают, что лишать преступника жизни не допускается ни при каких

обстоятельствах, так как это бы исключило возможность реализации функций правосудия осуждения виновного и назначения ему справедливого наказания. Соглашусь с мнениями авторов, так как предоставление права задерживаемому лицу на причинение преступнику смерти в результате его задержания способствовало бы распространению в обществе самосуда и нарушению прав граждан.

Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод, что нужно внести коррективы в ст. 38 Уголовного кодекса РФ, а именно в формулировку цели задержания лица, совершившего преступление.

Так же нужно дополнить Постановление Пленума Верховного суда от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление», включив туда норму о задержании лиц, не достигших возраста уголовной ответственности или невменяемых, а также совершивших деяние, не содержащее всех признаков конкретного состава преступления.

Так же необходимо включение в вышесказанное постановление разъяснения о возможности причинения преступнику смерти при его задержании.

Таким образом, проведенный анализ мнений ученых и правовых положений свидетельствует о том, что многие условия задержания лица, совершившего общественно опасное деяние, являются противоречивыми и требуют дополнительной законодательной регламентации.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28 апреля 2023 г.) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — С. 2954.
2. Постановление Пленума Верховного суда от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление».
3. Никуленко А.В. Необходимая оборона и причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление: вопросы законодательного совершенствования // Уголовное право, уголовный закон: теория и практика: Сб. науч. ст. СПб., 2017.
4. Блинников В.А. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния в уголовном праве России. М.: Юрлитинформ, 2014. — С. 212.
5. Иванов В.Д. Уголовное законодательство Российской Федерации. Т. 1. Часть общая. Ростов-на-Дону: Личный интерес, 1996. — С. 160.

*В.А. Крынина, студент кафедры уголовного права и криминологии
юридического института Алтайского государственного университета
Научный руководитель — В.В. Ерахмилевич, доцент кафедры уголовного
права и криминологии юридического института Алтайского государственного
университета*

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ МОТИВА ПОЛИТИЧЕСКОЙ, ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ, РАСОВОЙ, НАЦИОНАЛЬНОЙ, РЕЛИГИОЗНОЙ НЕНАВИСТИ И ВРАЖДЫ, МОТИВА НЕНАВИСТИ ИЛИ ВРАЖДЫ В ОТНОШЕНИИ КАКОЙ-ЛИБО СОЦИАЛЬНОЙ ГРУППЫ

В статье рассмотрены основные понятия так называемых экстремистских мотивов. Указаны некоторые проблемы, связанные с оценочностью и взаимосвязанностью таких понятий, как вражда и ненависть, политика и идеология, социальная группа. Важность изучения данных категорий необходима для единообразного применения норм уголовного права и более точного законодательного их закрепления.

Ключевые слова: экстремистский мотив, ненависть, вражда, социальная группа, политика, идеология.

В действующих законодательных актах так и не определено, что же следует понимать под мотивом политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, и аналогичным мотивом в отношении какой-либо социальной группы (экстремистский мотив).

По своему содержанию этот мотив содержит несколько альтернативно перечисленных признаков, которые имеют равнозначное значение и при квалификации достаточно установления хотя бы одного из них.

Если обратиться к «Толковому словарю современного русского языка», то там можно найти такое определение вражды, как «недоброжелательные, неприязненные, проникнутые ненавистью отношения и действия». Под ненавистью понимается негативная эмоция, наиболее интенсивная форма проявления негативного отношения к чему-либо. Например, под религиозной враждой понимается открытое проявление неприязни, основанной на религиозных убеждениях человека. А религиозная ненависть — это внутреннее осознанное побуждение, выражающее сильную неприязнь к лицам, исповедывающим иную религию, не исповедывающим никакой религии или атеистам, вызывающее у лица желание совершить преступление [1, с. 73].

Говоря о преступлениях, совершаемых на почве политической ненависти (вражды), следует отметить, что политика — это деятельность и складывающиеся на ее основе отношения между большими группами людей (классами, нациями, народами, объединениями) в одной стране или между странами в связи с решениями вопросов об организации и осуществлении власти в обществе [2, с. 23].

Понятия «политическая» и «идеологическая» ненависть или вражда имеют однородное смысловое значение, но соотносятся между собой как часть и целое. Понятие «идеология» более емкое, чем понятие «политика». В социологии используется понятие «политическая идеология», тем самым политика является частью идеологии. В связи с этим многие авторы, предлагают исключить из экстремистского мотива понятие политической ненависти (вражды), так как оно более уже, чем понятие «идеология».

Е.П. Сергун указывает на то, что идеология может быть, например, политической, религиозной или национальной, но при этом не являться экстремистской, поэтому идеологический характер ненависти или вражды, как мотив преступления в деяниях экстремистской направленности, является не совсем удачным [3, с. 5].

Преступления, совершенные по экстремистским мотивам, следует отграничивать от преступлений, совершенных на почве личных неприязненных отношений, для этого следует учитывать длительность межличностных отношений подсудимого с потерпевшим, наличие с ним конфликтов, не связанных с национальными, религиозными, идеологическими, политическими взглядами, принадлежностью к той или иной расе, социальной группе [4].

Особую сложность для квалификации преступлений вызывает конкуренция мотивов. Например, при убийстве члена какой-либо политической партии из ненависти к его убеждениям, экстремистские мотивы политической, идеологической ненависти или ненависти в отношении какой-либо социальной группы начинают конкурировать между собой, а кроме того, с п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ — убийство лица в связи с осуществлением им служебной деятельности или выполнением общественного долга.

Верховный Суд в Постановлении Пленума от 28.06.2011 указывает, что квалификация преступления по п. «л» части 2 статьи 105, УК РФ исключает возможность одновременной квалификации содеянного по другим пунктам указанной части этой статьи, предусматривающих иной мотив или цель преступления. В квалифицирующем признаке совершения деяния в отношении «лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или

выполнением общественного долга» не содержится указания на мотив преступления, он только предполагается в виде мести или ненависти. Полагаем, что квалифицировать деяние фактически можно по двум отягчающим обстоятельствам: по экстремистскому мотиву и в связи с осуществлением служебной деятельности или выполнением общественного долга. Однако, в таком случае фактически вменение в вину подлежат однородные уголовно-правовые нормы. Одновременное закрепление в одной статье УК РФ, на первый взгляд, разных квалифицирующих признаков приводит к загромождению уголовно-правовой нормы в целом и дублированию однородных признаков.

Существенные затруднения вызывает понимание законодательной формулировки «совершение преступления – по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы». Данный термин преимущественно, социологический, его законодательного понятия нет. Поэтому в уголовно-правовых нормах признак «социальная группа» вызывает сложности понимания и применения на практике.

В западной социологической науке достаточно распространенным является определение Роберта Мертона, согласно которому социальная группа - это совокупность людей, которые определенным образом взаимодействуют, осознают свою принадлежность к данной группе и считаются членами этой группы с точки зрения других людей. Здесь выделяются, таким образом, объективный признак — взаимодействие, и два субъективных: самоидентификация члена группы и восприятие его таковым другими [5, с. 283].

В российской социологической литературе социальную группу обычно определяют как совокупность людей, имеющих общий социальный признак и выполняющих необходимую функцию в общей структуре общественного разделения труда и деятельности [6, с. 58]. В данном определении используется только объективный критерий. При этом понятие социальной группы рассматривается как родовое по отношению к понятиям «класс», «социальный слой» и т.д.

Необходимо отметить, что в социологии различают большие и малые социальные группы. Малые социальные группы — это малочисленные по составу группы (от двух до нескольких десятков человек), члены которой объединены общей деятельностью и находятся в непосредственном устойчивом личном общении друг с другом, что является основой для возникновения, как эмоциональных отношений, так и особых групповых ценностей и норм поведения. Например: семья, производственная бригада, школьный класс, спортивная команда, группа друзей. Большие же социальные группы характеризуются отсутствием

возможности для постоянного непосредственного личностного взаимовлияния, главное значение в них приобретает опосредованное взаимодействие между ее членами (например, раса, определенный социальный слой). Законодатель не конкретизирует, какие социальные группы он имел в виду в нормах Уголовного кодекса РФ. Очевидно, что речь идет о больших социальных группах. Ненависть (вражда) к отдельной семье либо спортивной команде, т.е. к малым социальным группам, не является проявлением экстремизма. Отсутствие четких критериев социальной группы, затрудняет работу следственных и судебных органов. На практике ненависть (вражда) к социальной группе, как правило, выражается по политическим, идеологическим, религиозным, расовым, национальным соображениям, поэтому включение признака социальной группы, как отдельного случая проявления экстремизма в уголовных нормах является излишним.

Таким образом, мотив политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, либо мотив ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы в том содержании, в котором он закреплен в статьях Особенной части, вызывает трудность, неоднозначность его понимания, что может вести к неправильной квалификации деяний.

Библиографический список

1. Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка. — М.: «Аделант», 2013. — 800 с.
2. Таюрская Е.А. Политическая, идеологическая, национальная, расовая, религиозная ненависть или вражда как мотивы совершения преступления // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2009. №3 (50). С.21-25 // [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-ideologicheskaya-natsionalnaya-rasovaya-religioznaya-nenavist-ili-vrazhda-kak-motivy-soversheniya-prestupleniya> (дата обращения: 09.03.2023).
3. Соловьёва С.В. Проблемы определения мотива политической, идеологической, расовой, национальной, религиозной ненависти или вражды либо ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы в статьях Особенной части УК РФ // Научный журнал КубГАУ. 2012. №82. С.1-12 // [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-opredeleniya-motiva-politicheskoy-ideologicheskoy-rasovoy-natsionalnoy-religioznoy-nenavisti-ili-vrazhdy-libo-nenavisti-ili> (дата обращения: 11.03.2023).
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.consultant.ru/>

document/cons_doc_LAW_115712/?ysclid=lj885s5yuy142173787 (дата обращения: 09.03.2023).

5. Кунашев А.А. «Социальная группа» как уголовно-правовой признак // Пробелы в российском законодательстве. 2011. №4. С.282-285 // [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-gruppa-kak-ugolovno-pravovoy-priznak> (дата обращения: 15.03.2023).

6. Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках. Редактор-координатор — академик РАН Г.В. Осипов. — М.: Издательская группа ИНФРА М — НОРМА, 1998. — 488 с.

А.С. Матвиенко, студентка кафедры уголовного процесса и криминалистики Алтайского государственного университета

Научный руководитель — Т.В. Якушева, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Алтайского государственного университета

СУДЕБНЫЕ ОШИБКИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В настоящее время расследуется большое количество уголовных дел. По оценкам авторитетных экспертов, при реальной преступности 12 - 15 миллионов деяний в России ежегодно регистрируется чуть более 3 миллионов, или 20-25% от фактически совершаемых преступлений; из них выявляется около 10% правонарушителей и осуждается к различным видам наказания примерно 5 человек на 100 лиц, реально совершивших преступления, в том числе к лишению свободы менее 1/3.

В связи с этим существует необходимость максимального устранения ошибок в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, судебные ошибки, судебные решения, правосудие.

В ходе производства по уголовному делу нельзя исключить возможность совершения ошибок субъектами уголовного судопроизводства.

В уголовном судопроизводстве нарушение, препятствующее быстрому, всестороннему и своевременному принятию итогового процессуального решения по уголовному делу, следствием которого становятся незаконность и необоснованность, рассматривается как судебная ошибка.

Исходя из природы уголовного процесса, по-видимому, можно говорить о следующих видах ошибок.

В.И. Власов в своих исследованиях дает самые разные классификации ошибок и делит следственные ошибки на логические, то есть ошибки в мыслительной деятельности субъектов, ведущих расследование дел и фактические — несоблюдение ими же требований УПК [1, с. 30].

Изучив обзор судебной практики по рассмотрению Дисциплинарной коллегией Верховного суда РФ уголовных дел о привлечении судей к дисциплинарной ответственности, можно выделить два примера из практики применения наказания за судебные ошибки [4, 5].

Дисциплинарная коллегия Верховного суда Российской Федерации сформировала позицию, согласно которой судебные ошибки без умысла, носящие ординарный характер, не расцениваются как проявление недобросовестного отношения судьи к своим профессиональным обязанностям и не могут служить основанием для применения к нему дисциплинарного взыскания.

Рассмотрим второй случай, в котором приведено грубое нарушение уголовного и уголовно-процессуального законодательства при рассмотрении дела привели к искажению фундаментальных принципов судопроизводства, нарушению прав и законных интересов граждан.

Сложность вопроса разграничения ошибок обусловлена отсутствием четких критериев определения.

В первом примере рассмотрим логическую ошибку. Судья неправильно определил обстоятельства, имеющие значение для дела, и допустил ошибку при применении норм материального права. Верховный Суд РФ, проанализировав содержание этой ошибки, пришел к выводу, что она является ординарной при рассмотрении такого рода дел, и посчитал, что за эту ошибку лишение статуса судьи является явно несоизмеримым нарушением.

Необходимо конкретизировать критерий ошибок, за допущение которых должны применяться меры в отношении субъекта судопроизводства:

Во-первых, ошибка должна быть умышленной, то есть когда судья умышленно осознает незаконность своих действий и неправильно применяет норму уголовного и уголовно-процессуального права;

Во-вторых, ошибка должна быть нетипичной, выбивающейся из числа других ошибок, которые возникают при рассмотрении определенной категории дел.

В отличие от первого примера, во втором случае Верховный Суд РФ посчитал законным и соразмерным наказание в виде лишения статуса судьи, как раз применив вышеуказанный критерий. Судья был лишен статуса за то, что принял

решение об условно-досрочном освобождении лица, не отбывшего установленный срок, при этом рассмотрев заявление с нарушением правил подсудности.

В этом деле особое значение сыграло то, что судья самостоятельно, без наличия к тому каких-либо оснований перевел осужденного из мест лишения свободы в СИЗО, которое находилось в территориальной подсудности суда, и, таким образом, сформировал видимость надлежащего определения подсудности.

При таких обстоятельствах Верховный Суд посчитал, что ошибка, допущенная судьей, является умышленной и тот сам создал условия для видимости надлежащей территориальной подсудности, которая также была ошибочной.

Умышленный характер действий судьи с неординарностью допущенной ошибки привели Дисциплинарную коллегия Верховного Суда к выводу, что такое поведение судьи несовместимо с его статусом.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод о том, что судебные ошибки довольно распространены в практике. Законодатель следит за их устранением. Сформулированные Дисциплинарной коллегией ВС РФ позиции могут являться ориентиром при разрешении вопроса о необходимости и целесообразности подачи жалобы в отношении судьи. Также они могут помочь с определением и обоснованием позиции о допущенной судьей ошибке, которая может повлечь за собой дисциплинарное взыскание.

Библиографический список

1. Шейфер С.А. Исправление судебных ошибок: взгляд практика // Уголовное судопроизводство. — 2011. — № 3.
2. Назаров А.Д. Следственные и судебные ошибки и уголовно-процессуальный механизм их устранения: концептуальные основы // Санкт-Петербург 2017 г.
3. Азаров В. А., Беккер Т. А. // Установление истины как основа предотвращения судебных ошибок в уголовном судопроизводстве. — М.: Юрлитинформ, 2019 г.
4. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2018) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.12.2018) (ред. от 01.06.2022)
5. Обзор судебной практики по рассмотрению Дисциплинарной коллегией Верховного Суда Российской Федерации административных дел о привлечении судей к дисциплинарной ответственности в 2017-2018 гг. и первом полугодии 2019 г.

Д.С. Пенкин, студент кафедры уголовного права и криминологии Алтайского государственного университета

Научный руководитель — Е.П. Веснина, старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Алтайского государственного университета

КВАЛИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЁННЫХ СОВМЕСТНО С ЛИЦОМ, НЕ ПОДЛЕЖАЩИМ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Представлена актуальная проблема расхождения теории уголовного права и практики на деле в правильности квалификации преступлений с участием негодного субъекта, приведён сравнительный анализ прошлых актов, пытавшихся решить насущный вопрос, обозначены давнейшие возможные пути решения для законодателя, идеи которого закладывает правоприменитель, ориентируясь на конкретную обстановку дела.

Ключевые слова: соучастие, несовершеннолетие и невменяемость, квалификация преступлений.

Уголовное законодательство на всем периоде существования испытывает множественные изменения и дополнения, связанные с изменением и корректировкой общественного мнения по пониманию справедливости вынесенного итогового решения. Особую значимость приобретает расхождение между теоретическим блоком и реализуемой судебной практикой на деле, ведь каждое конкретное дело способно по-разному повлиять на исход дела, хоть и действуя в противоречие мнению законодателя. Очевидно, что совершение преступления несколькими лицами, куда общественно опаснее, поскольку их физическая способность, знания и иные личностные характеристики взаимодействуют, тем самым причиняя охраняемым уголовным правом объектам больший вред.

В работе использовались такие методы как: анализа и синтеза, диалектический, исторический и статистический.

В Уголовном кодексе Российской Федерации в 32 статье предусматривается легально закреплённое определение соучастия. Так, под этим понимается умышленное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления. При этом каждый злоумышленник должно обладать на момент совершения общественно опасного деяния признаками, которые закрепляются в статье 19 Уголовного Кодекса Российской Федерации, а именно, физическое лицо должно быть вменяемым и достигшим возраста уголовной ответственности на момент

совершения преступления (16, а в прямо предусмотренных случаях — 14 лет) [2, с. 46-51].

В теории уголовного права, субъекта, не отвечающего данным признакам, именуют — негодный субъект. Значит, это лицо, которое не обладает необходимыми признаками деликтоспособного субъекта, его фактическое участие в преступлении не имеет значения для квалификации (мягкий вариант — может учитываться при назначении наказания) [1, с. 214].

Значение института соучастия велико: в первую очередь он даёт основание уголовной ответственности лиц, которые сами не совершали преступление, но способствовали его совершению другими лицами, а также определяет правила квалификации действий соучастников, индивидуализируя их ответственность и наказание.

При ошибке в квалифицирующих признаках преступления лицо заблуждается об отсутствии для него этих обстоятельств, полагая, что негодный субъект не может сыграть отягчающую роль. Речь идёт о неверном представлении лица о наличии данных обстоятельств, тогда как фактически они отсутствуют (является юридической ошибкой). При этом, ответственность определяется в соответствии с виной, т.е. сознавал или должен был сознавать в момент совершения преступления.

В течение длительного времени судебная практика не признавала невменяемость и лиц, не достигших возраста привлечения к уголовной ответственности, самостоятельными участниками групповых преступлений, квалифицируя действия их вменяемых соучастников как совершённые единолично.

В ранее действовавшем п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14.02.2000 г. №7 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних», совершение преступления с использованием лица, не подлежащего уголовной ответственности в силу возраста (ст. 20 УК РФ) или невменяемости (ст. 21 УК РФ), не создает соучастия.

Постановление Президиума Верховного Суда от 6 октября 2004 г. №604П04пр. Суд квалифицировал действия Прокопьева по п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ как убийство, совершённое группой лиц. Из материалов дела видно, что убийство Прокопьев совершил совместно с Богомолловым, при этом Прокопьев держал потерпевшего, а Богомоллов, по предложению последнего наносил ножевые удары. Хоть они действовали совместно с умыслом, направленным на совершение убийства, непосредственно участвовали в процессе лишения жизни потерпевшего, применяя к нему насилие, заместитель Генерального прокурора Российской Федерации высказал позицию о переквалификации деяния в ч. 1 ст. 105

УК РФ, т.к. согласно судебной медицинской экспертизе, Богомолов, на момент совершения преступления, был признан психически нездоровым, в связи с чем, действия Прокопьева не носят групповой характер.

В обзоре судебной практики Судебной коллегии по уголовным делам за 4 квартал 2000 года, на основе постановлений №1048п 2000 по делу Тимиркаева и №740п 99 по делу Степанова, выдвинута следующее: «Преступление признается совершенным группой лиц по предварительному сговору, если в нем участвовали лица, заранее договорившиеся о совместном его совершении, независимо от того, что некоторые из участвовавших не были привлечены к уголовной ответственности в силу недостижения возраста уголовной ответственности или ввиду невменяемости» [5, с.1].

В настоящее время Верховный Суд Российской Федерации ориентирует суды, что освобождение лица от уголовной ответственности в связи с его невменяемостью не свидетельствует о невозможности квалифицировать действия его вменяемого соучастника как совершённые группой лиц по предварительному сговору.

Согласно Кассационному определению Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 27.05.2021 №75-УДП21-8-КЗ было рассмотрено дело в отношении Чепикова Игоря Александровича, который обвинялся в краже. Объективная сторона кражи выполнена им совместно и по предварительному сговору с невменяемым Л. Действия для Чепикова носили адекватный и целенаправленный характер, наступившие последствия в виде причинения материального вреда явились результатом их совместной деятельности. Л. прятал переданные ему вещи под одеждой, наблюдая также за окружающей обстановкой, чтобы не разоблачиться. Такие действия должны быть квалифицированы по п. «а» ст.158 УК РФ как совершённые группой лиц по предварительному сговору. Суд исходил из общественной опасности преступления, ведь ущерб наносился совместными усилиями — действия одного лица не привели к таким последствиям [2].

В данном случае, как было сказано чуть выше, стоит учитывать осознанность оказываемой помощи. Если Л. не был в курсе намерений К., то это юридически не породит в содеянном соучастия.

Для правильной квалификации, мало руководствоваться диспозицией соответствующей статьи, существует несколько следующих правил:

- каждый из соучастников должен осознавать степень общественной опасности и объективные признаки — отягчающие, которые обычно прописывается после первой части статьи. На примере убийства (ст.105 Уголовного Кодекса

Российской Федерации) можно увидеть перечисление этих признаков во второй части — прописаны 13 квалифицирующих признаков.

- при совершении должностного преступления иные лица не могут выступать в данном случае соучастниками, ведь это специальный субъект уголовного права, о котором существуют отдельные нормы. Так, статья 190 Уголовного Кодекса Российской Федерации предполагает получение взятки должностным лицом, именно этот признак и образует для специального субъекта свой, квалифицированный состав преступления. А вот, согласно части 4 статьи 34 Уголовного Кодекса Российской Федерации, лицо, которое не выступает субъектом соответствующей нормы, может нести ответственность как организатор, пособник подстрекатель.

В соответствии с общеправовыми и отраслевыми принципами, законодатель отдаёт прерогативу самостоятельному решению дела единственному субъекту осуществления правосудия, который в свою очередь должен справедливо и пропорционально содеянному назначит разумное наказание.

Все представленные выше постановления идут в противоречие действующему п. 12 Постановления от 27.12.2002 г. № 29. Наблюдается тенденция, согласно которой, правовые позиции Верховного Суда живёт самостоятельно от судебной практики.

Таким образом, совершение преступления, с участием «негодного» субъекта, где выполняется совместно объективная сторона, должно квалифицироваться справедливо, т.е. группой лиц по предварительному сговору. Не стоит и забывать об потерпевшем, который воспринимает таких лиц как группу лиц.

Полностью поддерживаю позицию профессора А.И. Рарога, который отмечает, что «нельзя не считаться и с соображениями социальной оценки ... Многие ... преступления вообще не могли быть совершены одним лицом» [3, с. 90]. Недооценивая «негодный» субъект как полноценного для правильной квалификации иных лиц, учувствовавших в совершении противоправных действий, мы упускаем главное — их членство в обществе, они также обладают сознанием, вступая в сговор.

В продолжение позиции Алексея Ивановича стоит обратить внимание и на законодательную инициативу по внесению новой нормы в уголовный кодекс, которая поспособствует кардинальному рывку в решении всех проблем, связанных с неправильной квалификацией. Предлагается расширить главу 7 УК РФ статьёй 36.2 «Совершения преступления с участием лиц, не подлежащих уголовной ответственности». Или альтернативным вариантом может послужить внесение до-

полнений в ст.35 УК РФ следующего положения: «Преступление признается совершенным группой лиц, группой лиц по предварительному сговору и в тех случаях, когда привлекаемое к уголовной ответственности лицо совершило преступление с непосредственным участием в качестве соисполнителей данного общественно опасного деяния лиц, не подлежащих уголовной ответственности».

Библиографический список

1. Разогреева А.М. Правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации по вопросу квалификации преступлений с «негодным» субъектом: опыт дискурс-анализа.
2. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 27.05.2021 N 75-УДП21-8-К3. URL: <https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-27052021-n-75-udp21-8-k3/>
3. Качество уголовного закона: проблемы Общей части: монография. / отв. ред. А.И. Рарог. — М.: Проспект, 2016. — 288 с.
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / И.А. Клепицкий. — 9-е изд. — М.: РИОР: ИНФРА, 2018. — 710 с.
5. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за 4 квартал 2000 года по уголовным делам. URL: <https://vsrf.ru/files/10769/>

Е.А. Попова, студентка кафедры уголовного права и криминологии

Алтайского государственного университета

*Научный руководитель — Т.В. Якушева, кандидат юридических наук, доцент
кафедры уголовного процесса и криминалистики*

ЗНАЧЕНИЕ И РОЛЬ ПЕДАГОГА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В данной статье производится анализ сведений об основных аспектах участия педагога в уголовном судопроизводстве, рассматриваются вопросы обязательного участия педагога в уголовном судопроизводстве. Рассмотрены основные пробелы законодательства, регламентирующего деятельность педагога, а также предложен вариант законодательной инициативы.

Ключевые слова: уголовный процесс, уголовное дело, педагог, несовершеннолетний, подросток.

Лица, обладающие педагогическими знаниями, как участники производства по уголовному делу были известны еще дореволюционному российскому уголовному судопроизводству. Закон от 2 июня 1897 г. «Об изменении форм и порядков судопроизводства по делам о преступных деяниях малолетних и несовершеннолетних, а также законоположений о их наказуемости», который внес изменения и дополнения в Устав уголовного судопроизводства 1864 г., предусматривал, что по ходатайству родителей либо по требованию прокуратуры или усмотрению суда в качестве сведущих людей в судебное заседание могли быть вызваны врачи, воспитатели, учителя и вообще лица, занимающиеся или занимавшиеся воспитанием юношества. То есть педагоги рассматривались как сведущие лица, участие которых в уголовном процессе было важно для надлежащего и всестороннего исследования личности несовершеннолетнего обвиняемого с целью решения вопроса о его «разумении».

Путём сравнительного метода, а также метода анализа нормативно-правовой базы, далее предстоит ознакомиться с понятием и значением педагога в уголовном процессе в настоящее время.

Обратившись к нынешнему законодательству, можно выяснить, что, согласно ч. 3 ст. 280 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее УПК РФ), если обвиняемый не достиг шестнадцатилетнего возраста либо достиг, но страдает психическим расстройством или отстает в психическом развитии, участие педагога или психолога является обязательным. В соответствии с ч. 1 ст. 280 УПК РФ, допрос несовершеннолетних потерпевших и свидетелей, имеющих физические и психические недостатки, проводится во всех случаях в присутствии педагога.

Федеральным законом от 2 июля 2013 г. путем внесения дополнений в ст. 5 УПК РФ впервые в российском уголовном судопроизводстве было закреплено понятие «педагог», согласно которому это педагогический работник, выполняющий в образовательной организации или организации, осуществляющей обучение, обязанности по обучению и воспитанию обучающихся. Возможно, такое понятие не совсем корректно, ведь не всегда лицо, обладающее большим трудовым стажем в области педагогики, умением найти подход даже к самому «сложному» ребенку, может выполнять роль педагога в уголовном судопроизводстве, если, допустим, педагог вышел на пенсию. Также, не смогут такую деятельность осуществлять и почётные работники в области просвещения, министерства образования и социального развития лишь потому, что они не работают в общеобразовательных организациях.

«Вопрос о педагогической квалификации является спорным, и мнения учёных-юристов здесь разделились» [1]. Так, например, В.В. Кальницкий считает, что обязательным требованием для педагога должно быть не только наличие специального образования, но и длительный трудовой стаж по специальности. По мнению В.К. Комарова, А.В. Кудрявцевой, Ю.Д. Лившица, педагог может и не иметь педагогического образования (руководитель кружка, дворового клуба, тренер), но ему должен доверять несовершеннолетний.

Как известно, для осуществления преподавательской и воспитательной деятельности необходимы специальные знания, о возможности использования которых речь идет, в частности, в ст. 58 УПК РФ «Специалист». Первоначально можно подумать, что специалист и педагог в уголовном процессе — это целое и его часть. Но, если ознакомиться с текстом указанной нормы, то можно понять, что специалист привлекается к участию в процессуальных действиях для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию. К деятельности педагога в уголовном судопроизводстве это отношения не имеет. Один из комментариев к УПК не закрепляет педагога как участника уголовного процесса. Это дает основание утверждать, что педагог в уголовном судопроизводстве не является специалистом в том смысле, который использован в ст. 58 УПК РФ.

Значение участия педагога в уголовном процессе объясняется прежде всего в необходимом обеспечении особого порядка допроса несовершеннолетних лиц в силу их психологических особенностей и недостаточно «окрепшей» психики. «Педагог является гарантом правильного проведения допроса и обеспечения прав допрашиваемого: он привлекается для изучения нравственно-психологических свойств подростка либо для выявления психологических мотивов и причин его действий, решения вопроса о целесообразности проведения судебно-психологической экспертизы и определения предмета экспертного исследования, а также возможной реабилитации ребенка» [2].

В юридической литературе можно заметить расхождение мнений. Ф. Багаутдинов считает, что педагогом в ходе расследования может быть лицо, имеющее среднее или высшее педагогическое образование, наличие которого подтверждается дипломом. Кроме того, при выборе педагога для участия в следственных действиях особое внимание необходимо обратить на его стаж работы и возраст. Также существует следующая точка зрения: в качестве педагогов необходимо приглашать лиц, имеющих высшее педагогическое образование

со специализацией в области детской или подростковой психологии, со стажем работы не менее трех-пяти лет. Здесь ключевым решающим фактором будет усмотрение следователя для каждой конкретной ситуации: можно провести аналогию опять же с понятием специалиста в уголовном процессе, сферу необходимых знаний, образовательный уровень этого лица, опыт его работы и прочее следователь определит сам, исходя из конкретной следственной ситуации.

Следует обратить внимание и на то, что в соответствии с ч. 3 ст. 425 УПК РФ участие педагога в допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, не достигшего возраста шестнадцати лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, обязательно. В связи с этим возникает вопрос, как лицо, проводящее допрос, может без наличия медицинских документов или заключения эксперта констатировать наличие у подростка психического расстройства или отставания в развитии. Установление данных обстоятельств может вызывать сложности. Во-первых, психическое расстройство или отставание в развитии может оказаться неявным и его самостоятельное определение будет невозможным, во-вторых, не каждый человек, страдающий какими-либо отклонениями, состоит на специализированном учете, в данной ситуации возникнет необходимость в проведении экспертизы, которая займет определенное количество времени. Так, существует некоторый пробел в законодательстве на этот счёт, не дается ответа на вопрос, как следует выявлять наличие психических отклонений у несовершеннолетнего.

Как показывает анализ законодательства, роль педагога показывается «размыто», без необходимых уточнений, хоть в ряде уголовных дел она незаменима. Возможно, необходимо дополнить УПК отдельной статьей, содержащей понятие и полномочия педагога для привлечения к делу компетентного специалиста, способного оказывать как должную помощь в следствии, так и необходимую поддержку несовершеннолетнему, для которого уголовное судопроизводство может выступать в качестве стрессовой ситуации.

Библиографический список

1. Лягошина, Ю.Д. Участие педагога и психолога в уголовном процессе: проблемы законодательного регулирования и теоретические предложения по их разрешению // Молодой учёный. — 2020. — № 47 (337).
2. Марковичева, Е.В. Проблемы участия педагога и психолога в уголовном процессе // Вестник Удмуртского университета. — 2017. — № 2.

*А.А. Саенко, студент кафедры теории и истории государства и права
Алтайского государственного университета*

*О.Г. Моисеева, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории
и истории государства и права Алтайского государственного университета*

ВЕНСКИЙ КОНГРЕСС, СОЗДАНИЕ ГЕРМАНСКОГО СОЮЗА КАК ЭТАП ОБЪЕДИНЕНИЯ ГЕРМАНИИ В XIX ВЕКЕ

В данной статье исследуется значение Венского конгресса 1814 г., как этапа объединения Германии в XIX в. Рассмотрены главные цели Германского союза, проанализирован основной акт Венского конгресса, а также рассмотрен опыт Венского конгресса, как пример договоренности, обеспечивающей стабильность и прочность мира. Результаты исследования привели к выводу о том, что с исторической точки зрения решения Венского конгресса не были совершенными. Некоторые из принятых решений, а также установка на стабильность, зачастую понятая как частичное возвращение прежних порядков в ущерб новым динамичным тенденциям. Тем не менее, Венский конгресс способствовал не только установлению новых границ и проведению в жизнь новых принципов равновесия и легитимности, но и выработке новых международных норм.

Ключевые слова: Венский конгресс 1814 г., создание германского союза, акты венского конгресса, государственное устройство, политический режим.

Венский конгресс 1814-1815 гг. — это уникальное событие в истории международных отношений. Никогда ни до него, ни после Европа не видела подобного съезда, на который были приглашены представители более двухсот государств, а непосредственными участниками «дипломатических батальонов» стали лишь «великие державы», и все это сопровождалось многочисленными увеселениями. Завершив череду длительных наполеоновских войн, конгресс выработал систему договоров, регулировавших международные отношения и закреплявших новые границы в Европе. Эта система была дополнена созданием Священного союза и Четверного союза России, Англии, Австрии и Пруссии [1, с. 48].

С тех пор история знала немало количество конгрессов, съездов, саммитов. Тем не менее, интерес к Венскому конгрессу не ослабевает и на сегодняшний день. Ныне в политической публицистике продолжаются дискуссии о том, позволила ли венская система надолго сохранить прочный мир в Европе, и может ли она послужить примером для договоренностей, которые обеспечат стабильность на планете в настоящее время.

Венский конгресс 1814-1815 гг. как историческое событие хорошо изучен как в отечественной, так и в зарубежной историографии. Венский конгресс, который должен был подвести итоги бурной эпохи революции, войн и реформ, открыл свою работу в сентябре 1814 г. В Вену съехалось 216 представителей всех европейских государств, в том числе многие монархи, министры иностранных дел, главы правительств. Присутствовало большое количество гостей. На фоне балов, парадов, званых вечеров шла серьезная работа. В ходе Венского конгресса состоялось два пленарных заседания: первое при открытии прений (3 ноября 1814 г.) и второе, заключительное, при подписании финального акта (9 июня 1815 г.) [2, с. 36]. Основной задачей Венского конгресса была Реставрация — реставрация государств, режимов, границ, баланса сил. Однако подавляющее большинство участников Конгресса понимало невозможность полной реставрации Старого порядка. Речь могла идти только о компромиссе между Революцией, Реформой и Реставрацией.

Под реставрацией участники Конгресса понимали главным образом восстановление прежних государственных границ и возвращение смещенных Наполеоном династий [3, с. 50]. По вопросу политического устройства государств господствовало мнение, что избежать революции в Европе можно при одном условии — пойти навстречу пробудившимся в освободительной борьбе народам. Министр иностранных дел Франции Шарль Морис Талейран (1754-1838), сформулировавший основной принцип Венского конгресса — принцип легитимизма, называл легитимной ту власть, которая сохраняет наследственные права монарха, но одновременно уважает общественное мнение.

Поэтому с принципом легитимности совместима умеренная конституционная монархия. И даже австрийский министр иностранных дел Клеменс Меттерних (1773-1859), будучи реалистом, не намеревался возвращать государства в прошлое [4, с. 42].

Таким образом, компромисс составлял суть принимаемых решений по вопросам о государственном устройстве и политических режимах. Но он же лежал в основе решений о территориальном устройстве Европы. Хотя механизм достижения компромисса в этой сфере был иным: он был результатом борьбы между основными участниками конгресса — Англией, Австрией, Пруссией и Россией, имевшими разные геополитические интересы.

1 марта 1815 г., в разгар работы Конгресса, в Вену пришло сообщение о том, что Наполеон покинул Эльбу и направился в Париж. Возвращение Наполеона

вызвало сильную тревогу в Европе. Была сформирована седьмая антифранцузская коалиция, общее количество войск которой насчитывало 700 тыс., правда, эти силы были рассредоточены по территории Европы.

Внезапное появление Наполеона во Франции резко ускорило работу Венского конгресса. Так, 9 июня 1815 г. состоялось последнее заседание, на котором был принят Заключительный акт. Этот документ состоял из 121 статьи и 17 приложений. Одной из его статей стал принятый по германскому вопросу 8 июня и утвержденный 10 июня 1815 года Акт об образовании Германского Союза (или Союзный акт). Союзный акт содержал в общей сложности 20 статей (*Deutsche Bundes-Akte*, 1815). Статьи этого акта были разделены на два блока: «Основные положения» (ст. 1-11) и «Особые постановления» (ст. 12-20).

Будущее территориальное устройство Германии было предметом жарких дискуссий на Венском конгрессе, в которых принимали участие не только германские государства. Внутреннее устройство Германии уже около полутора веков ставило перед Европой дилемму. Если та будет слабой и раздробленной, она будет побуждать своих соседей, в первую очередь Францию, к экспансии.

Если Германия объединится, то станет слишком сильной и будет сама угрожать соседям. Выход нашли в том, чтобы, сохраняя раздробленность Германии, консолидировать ее. Другими словами, сохранили фактически все изменения, которые осуществил Наполеон. Другие варианты решения германского вопроса были отвергнуты, в том числе прусский проект, который предусматривал разделение Германии на две зоны влияния: северную — под руководством Пруссии и южную — под руководством Австрии. Первоначально этот проект был поддержан Меттернихом, поскольку соответствовал его представлениям о равновесии сил. Зато он вызвал резкие возражения со стороны средних германских государств и был отклонен [5, с. 318].

В результате был создан Германский союз. Он представлял собой конфедерацию, в которую вошли 39 государств, в том числе четыре вольных города: Любек, Бремен, Гамбург и Франкфурт. Австрия и Пруссия входили в союз теми землями, которые в прошлом были в составе империи.

Целью Германского союза было поддержание внешней и внутренней безопасности, независимости и целостности отдельных государств. Конфедерация в момент создания не имела общей законодательной системы, правительства или вооруженных сил, в последний момент обсуждения Союзного акта Баварии удалось добиться отмены решения о союзном суде.

Но согласно ст. 3 Союзного акта, все члены Германского союза были равны в правах и допускались к обсуждению и принятию решений по общегерманским

вопросам. Единственным союзным органом стал Союзный сейм (бундестаг), местом работы которого был избран Франкфурт-на-Майне, под председательством Австрии (ст. 5), в котором заседали уполномоченные посланники германских государств. Статьи 4 и 6 учреждали две главные формы заседаний бундестага:

1) Для регулярных заседаний и обсуждения большинства вопросов предусматривалась форма Узкого совета, в котором всем государствам предоставлялось по одному голосу, но ряд самых малых княжеств объединились в шесть курий и имели шесть коллективных голосов. Всего в Узком совете насчитывалось 17 голосов.

2) Для решения особо важных вопросов, касающихся возможного изменения статей Союзного акта или реформирования общесоюзных органов созывался Пленум бундестага, в котором каждый член Союза присутствовал самостоятельно и в обязательном порядке, но в котором голоса распределялись неравномерно, в соответствии с размером и численностью населения государств.

Германский союз, если учесть его границы, цели, объем полномочий Бундестага, верховенство Австрии, напоминал модифицированную Священную Римскую империю. По решениям Венского конгресса произошло некоторое изменение границ германских государств. К Пруссии была присоединена северная, экономически наиболее развитая часть Саксонии.

Более того, Пруссии удалось не просто вернуть свои небольшие владения на западе Германии, но еще и приобрести Рейнскую область и Вестфалию. В результате этих приобретений Пруссия стала граничить с Францией и Нидерландами. Ее территория теперь состояла из двух частей - Восточной и Западной (рейнской) Пруссии, между которыми находились владения других германских государств.

В Пруссии вновь, как и во времена Фридриха II, возникла потребность в территориальной консолидации государства. В курфюршестве Гессен (Кургессен), Брауншвейге, Ганновере, Гамбурге и ряде других государств были возвращены прежние правительства.

Наконец, в Союзном акте можно найти следы обсуждения конституционных проектов (ст. 13). Несмотря на неопределенность формулировки, которая дает возможность двойного толкования, статья открывала перспективы конституционного развития германских государств.

Таким образом, создание германского союза имело огромное значение в истории объединения Германии.

С исторической точки зрения решения Венского конгресса не были совершенными. Некоторые из принятых решений, а также установка на стабильность,

зачастую понятая как частичное возвращение прежних порядков в ущерб новым динамичным тенденциям. Тем не менее Венский конгресс способствовал не только установлению новых границ и проведению в жизнь новых принципов равновесия и легитимности, но и выработке новых международных норм. Отныне приращение территорий или иные изменения территориального статуса утверждались не силой или угрозой применения силы, а исключительно договорами на основе юридических норм, принимаемых всеми участниками. Делался шаг к тому, чтобы согласованность действий между европейскими странами стала нормой.

Библиографический список

1. Лексин И.В. Эволюция территориального устройства Германии: от падения «первой империи» до расцвета «второй империи» // Российский юридический журнал. 2009. № 2. С. 48-60.
2. Турыгин А.А. Призрак 1866 г. и образование Германской империи // История. Общество. Политика. 2019. № 2. С. 3642.
3. Кастель Р.Р. Федерализм и становление буржуазного государства в Германии (1815-1860-е годы) // Изв. вузов. Правоведение. СПб., 1992. № 4.
4. Казаков Н.И. Наполеон глазами его русских современников // Новая и новейшая история 1970. — №4. — С. 42-55.
5. Киселева Е.В. Александр I и реставрация Бурбонов во Франции // Россия и Европа. Дипломатия и культура. М.: Наука, 1995 С. 63-78.

*Л.Г. Стенякина, студент кафедры уголовного процесса и криминалистики
Алтайского государственного университета
Научный руководитель – Н.А. Дудко, доцент, кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики
Алтайского государственного университета*

ПРОБЛЕМЫ МЕР БЕЗОПАСНОСТИ, ПРИМЕНЯЕМЫХ В ОТНОШЕНИИ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

В статье кратко представлены общие сведения о состоянии института мер безопасности в России, а также рассмотрены некоторые актуальные проблемы уголовно-процессуального института мер безопасности. В частности, выделена проблема финансирования, непризнания российским законодателем в качестве

меры безопасности запрета на приближение и (или) общение, проблема возможности применения отдельных мер безопасности только к тяжким, особо тяжким преступлениям.

Ключевые слова: проблемы мер безопасности, улучшение уголовно-процессуального законодательства, финансовое обеспечение мер безопасности.

Являясь участником уголовного судопроизводства как на профессиональной, так и не на профессиональной основе, лицо, его близкие родственники и близкие лица в определенных случаях могут подвергаться противоправным посягательствам в связи с таким участием.

В целях решения данной проблемы в уголовно-процессуальном законодательстве с принятием УПК РФ от 18.12.2001 N 174-ФЗ впервые в отечественной истории были закреплены общие положения о применении мер безопасности в отношении участников уголовного судопроизводства.

Актуальность работы заключается в том, что выявление проблем института мер безопасности и их анализ может в дальнейшем помочь усовершенствовать данный институт, повысить его эффективность и обеспечить возможность вынесения объективного и справедливого итогового судебного решения по уголовному делу.

Методологическую основу научной работы составили общенаучные методы познания, такие как анализ, синтез, индукция, дедукция и частнонаучные методы познания: статистический, сравнительно-правовой, которые способствовали исследованию проблематики применения мер безопасности в уголовном судопроизводстве.

Меры безопасности можно определить, исходя из положений ч. 3 ст. 11 УПК РФ, как меры, принимаемые судом, прокурором, органами предварительного расследования при наличии достаточных данных о том, что потерпевшему, свидетелю или иным участникам уголовного судопроизводства, а также их близким родственникам, родственникам или близким лицам угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества либо иными опасными противоправными деяниями.

Если обратить внимание на статистику, то с 2006 года все больше и больше к участникам уголовного судопроизводства применяются меры безопасности.

Государственные программы, на основании которых применялись меры безопасности в различных периодах	Защищаемых лиц	Мер безопасности
Государственная программа «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2006-2008 годы»	3296 (5,5 % от прогнозируемого уровня)	3842
Государственная программа «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2009-2013 годы»	12 457 (на 24,6% выше прогнозируемого уровня)	23890
Государственная программа «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2014-2018 годы»	18 000 в среднем (в среднем от 3,3 до 3,9 тыс. чел. в год)	более 33500

В целом за 2006-2022 годы было применено более 94 тыс. мер в отношении 39 тыс. человек.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что рассматриваемый институт с каждым годом все больше применяется на практике, где в среднем на одно защищаемое лицо приходится 2 меры безопасности.

Вместе с этим остается множество неразрешенных проблем, которые препятствуют эффективности применения мер безопасности.

Так для 2023 года актуальна проблема сокращения финансирования на применение мер безопасности при росте населения, инфляции и количества зарегистрированных убийств.

Если мы проанализируем изменения в Государственной программе «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2019-2023 годы» от 27 декабря 2022 года, то заметим, что планируемое финансирование на реализацию данной программы на 2023 год сократилось с планируемых 211 866,9 тыс. рублей до 191 040,6 тыс. рублей, то есть на 20 826,3 тыс. рублей меньше.

При этом уровень инфляции в 2023 году по прогнозам Банка России в лучшем случае составит 5,0-7,0%, а в худшем 13-16%.

Также согласно статистике за январь 2023 года, процент зарегистрированных убийств возрос на 6,8%, в их число входят убийства, совершенные украинскими националистами на территории новых субъектов Российской Федерации.

Получается, что при инфляционных прогнозах и росте количества убийств, в том числе совершенных по мотивам политической, идеологической, национальной ненависти, вражды, следует объективная необходимость увеличения бюджетных средств на применение мер безопасности, а не на их сокращение. Также данную необходимость диктует результат присоединения в октябре 2022 года новых территорий к Российской Федерации, в связи с чем увеличивается не только численность населения, но и количество возможных преступных посягательств в будущем.

Сокращение бюджета в дальнейшем может привести к ситуации, когда суду, прокурору, органу предварительного расследования придется выбирать не те меры безопасности, которые могли бы достаточно эффективно защитить лицо, а те, которые менее затратные.

Еще одна проблема заключается в наличии зависимости возможности применения таких мер безопасности, как переселение на другое место жительства; замена документов; изменение внешности; изменение места работы (службы) или учебы от категории преступления, поскольку данные меры безопасности применяются только по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях.

По данной проблеме имеются в юридическом сообществе две противоположные позиции. Так, первый заместитель председателя комитета Государственной Думы по безопасности М. Гришанков говорит: «Угроза жизни может поступить и от простого хулигана. Но если речь идет об оказании давления на свидетеля или потерпевшего, если следователи и оперативные работники оценивают эту угрозу как реальную, они могут применять меры защиты. Это может быть даже свидетель квартирной кражи. Но если в этой квартирной краже принимали участие члены какой-нибудь объединенной преступной группы, ее лидеры могут мстить. Состав преступления не имеет никакого значения при решении, применять программу или нет. Значение имеет масштаб и реальность угрозы».

Вместе с этим другое мнение имеет адвокат Г. Падва: «На борьбу с какими видами преступлений нацелена эта программа, я не знаю. На борьбу с чем она должна быть нацелена, мне понятно. Она должна быть нацелена на борьбу

с наиболее опасными видами преступлений, такими, как преступления против жизни, терроризм, бандитизм» [1, с. 175].

Наше мнение все же склоняется к первой позиции, поскольку угроза участнику уголовного судопроизводства может поступать даже в связи с расследуемым преступлением категории небольшой, средней тяжести, при этом правоприменитель не может воспользоваться всем спектром мер безопасности при возникновении такой необходимости.

Последняя проблема, на которую стоит также обратить внимание, заключается в непризнании российским законодателем в отличие от некоторых зарубежных стран в качестве меры безопасности запрета на приближение и (или) общение.

Так, в ст. 97 УПК Республики Казахстан указывается, что мера процессуального принуждения в виде запрета на приближение выступает мерой безопасности.

В п.3 ч.6 ст.105.1 УПК РФ предусматривается же возможность возложения на подозреваемого, обвиняемого в качестве меры пресечения запрета на общение с определенными лицами, при этом данная мера, исходя из ст.11 УПК РФ, не признается мерой безопасности.

Запрет на приближение по законодательству Республики Казахстан шире и включает в себя не только запрет на общение любым способом, но и ограничение подозреваемого, обвиняемого, подсудимого разыскивать, преследовать, посещать потерпевшего и иных лиц, участвующих в деле.

Получается тем самым, что при запрете на общение по УПК РФ подозреваемый, обвиняемый фактически может невербально, используя мимику, жесты и прочее, угрожать свидетелям, потерпевшим и другим участникам уголовного судопроизводства, поскольку по УПК РФ запрет определенных действий не охватывает данную ситуацию.

О.И. Андреева, О.А. Зайцев, А.Ю. Епихин полагают, что содержание ст. 105.1 УПК РФ в части запрета общения с определенными лицами должно быть дополнено и запретом приближения к ним на определенное расстояние, обеспечивающее их безопасность [2, с. 90].

При этом расстояние должно определяться, исходя из судебного усмотрения применительно к конкретным обстоятельствам уголовного дела, где такое расстояние должно быть более чем безопасным для защиты интересов участника процесса [3, с. 227].

Таким образом, в настоящий момент институт мер безопасности активно развивается и вместе с этим с учетом выявленных проблем требует законодательных корректировок для повышения его эффективности обеспечения защиты прав и свобод человека и гражданина, защиты законных интересов общества и государства.

Библиографический список

1. Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению: учебник для вузов / под ред. Гаврилова Б.Я., Лаврова В.П. — Москва: Издательство Юрайт, 2023.
2. Кутянина А.С., Яковлева С.А. Проблемы соотношения запрета определенных действий с другими мерами уголовно-процессуального пресечения // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». — 2019. — № 1(17).
3. Андреева О.И., Зайцев О.А., Епихин А.Ю. Запрет определенных действий как новая мера обеспечения безопасности личности в уголовном процессе // Вестник Томского гос. ун-та. — 2018. — №436.

***В.Е. Сумарокова**, студентка 5 курса юридического института*

Алтайского государственного университета

Научный руководитель — М.А. Неймарк, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Алтайского государственного университета

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Статья посвящена изменению положений статьи 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также необходимости в установлении тождества норм Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и УПК РФ, регулирующих направления использования результатов ОРД в уголовном судопроизводстве. Авторы считают, что законодательные изменения послужат должной правовой регламентации использования результатов ОРД в уго-

ловном процессе, устраняют необоснованно узкое представление в среде теоретиков относительно уголовно-процессуальных ресурсов данного вида правоохранительной практики.

Ключевые слова: результаты оперативно-розыскной деятельности, уголовное судопроизводство, доказывание, доказательство, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности».

Направления использования результатов ОРД в уголовном судопроизводстве представляют собой нормы уголовно-процессуального характера, но регулируются не профильным нормативным источником, а смежным Федеральным законом, посвященным иному виду правоохранительной деятельности. Поэтому формулировка статьи 89 УПК РФ является сомнительной, начиная от ее названия «Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности», заканчивая диспозицией: «В процессе доказывания запрещается использование результатов оперативно-розыскной деятельности, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам настоящим Кодексом».

В то же время, статья 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», имеет более удачное наименование «Использование результатов ОРД» и предусматривает следующие направления применения в уголовном процессе:

1) результаты ОРД могут быть использованы для подготовки и осуществления следственных и судебных действий;

2) для розыска лиц, скрывшихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от исполнения наказания и без вести пропавших, имущества, подлежащего конфискации;

3) результаты ОРД могут служить поводом и основанием для возбуждения уголовного дела, 4) использоваться в доказывании по уголовным делам.

Очевидно, что УПК РФ обращается лишь к доказательственным возможностям ОРД, необоснованно исключая остальные. При этом достаточное количество оперативно-служебных документов, предоставляемых следователю (дознавателю) в рамках результатов ОРД, служит цели подготовки процессуальных действий, решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

На сегодняшний день нормативно-правовое регулирование порядка использования результатов ОРД в уголовном процессе в большей мере регулируется

Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности», а также Инструкцией о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд чем УПК РФ. Именно в указанных источниках содержатся ключевые аспекты имплементации результатов ОРД в уголовно-процессуальную сферу.

После вынесения рапортов, постановлений, сообщений, т.е. соблюдения порядка ввода результатов ОРД в материал проверки по сообщению о преступлении либо уголовное дело происходит изменение статуса передаваемых документов с оперативно-розыскных на уголовно-процессуальные. Подчеркнем, что последовательность действий, круг компетентных субъектов, их права, обязанности регламентированы не УПК РФ, а иными источниками, что само по себе парадоксально [3, с.7-8].

Кроме необоснованного сужения направлений использования результатов ОРД в уголовном процессе, представляется спорным само изложение статьи 89 УПК РФ в следующей редакции: «В процессе доказывания запрещается...», «если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам настоящим Кодексом». Двойное отрицание приводит в замешательство. Как отметил А.Ю. Олимпиев: «Наименование поименованной статьи однозначно указывает на допустимость, во всяком случае, использования в уголовно-процессуальном доказывании результатов ОРД. А вот содержание этой же статьи фактически представляет запрет на использование результатов ОРД в уголовно-процессуальном доказывании, ибо результаты ОРД являются следствием оперативно-розыскных мероприятий, а не уголовно-процессуальных действий» [2, с. 246-248].

С учетом вышеизложенного считаем, что в настоящее время существует объективная необходимость в установлении тождества норм Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и УПК РФ, регулирующих направления использования результатов ОРД в уголовном судопроизводстве. Статья 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» представляет собой емкую, содержательную норму, исчерпывающим образом определяющую направления использования результатов ОРД в уголовном процессе. Полагаем необходимо внести изменения в содержание статьи 89 УПК РФ, при этом унифицировав ее со статьей 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», исключив из содержания последней несвойственные уголовному судопроизводству направления.

Считаем целесообразным изложить статью 89 УПК РФ в следующей редакции:

«УПК РФ Статья 89. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве

1. Результаты оперативно-розыскной деятельности могут быть использованы:

1) для подготовки и осуществления следственных и судебных действий, проведения по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений, выявлению и установлению лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших;

2) результаты оперативно-розыскной деятельности могут использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями настоящего Кодекса, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств;

3) результаты оперативно-розыскной деятельности могут использоваться для розыска лиц, скрывшихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от исполнения наказания и без вести пропавших, имущества, подлежащего конфискации».

Изменение статьи 89 УПК РФ в предлагаемую нами редакцию — является нормативно-пригодной формой, которая регламентирует надлежащее использование результатов ОРД в уголовном процессе.

Кроме этого, указанная статья находится в 3 разделе УПК РФ (Доказательства в уголовном судопроизводстве). Так как каждое из вышеприведенных направлений использования результатов ОРД служит цели установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, каких-либо обстоятельств, препятствующих их включению в состав статьи 89 УПК РФ, не существует.

Аналогичной позиции придерживаются и отдельные ученые-процессуалисты. В.К. Зникин также в своем диссертационном исследовании на тему научных основ оперативно-розыскного обеспечения раскрытия и расследования преступлений предлагает изложить статью 89 УПК РФ следующим образом: «Результаты оперативно-розыскной деятельности при соблюдении законных процедур могут быть использованы в доказывании по уголовным делам, для подготовки и осуществления следственных и судебных действий, служить поводом и основанием для возбуждения уголовных дел» [2, с. 26].

На наш взгляд, за пределы статьи 89 и раздела доказывания УПК РФ необходимо вынести положения о возможности возбуждения уголовного дела на основании предоставленных результатов ОРД.

В связи с этим, считаем целесообразным дополнить часть 1 статью 140 УПК РФ пунктом 5:

«УПК РФ Статья 140. Поводы и основание для возбуждения уголовного дела

1. Поводами для возбуждения уголовного дела служат:

«5) предоставленные в установленном законом порядке результаты оперативно-розыскной деятельности».

Не разрешенные до настоящего времени противоречия между традиционно признаваемой ценностью и высоким правовым значением уголовно-процессуальной формы, с одной стороны, и реальными потребностями следственной и судебной практики в части использования в доказывании результатов ОРД, с другой — обуславливают осторожность и нерешительность законодателя в отношении данных вопросов [1, с. 24].

Законодательные изменения послужат должной правовой регламентации использования результатов ОРД в уголовном процессе, устранят необоснованно узкое представление в среде теоретиков относительно уголовно-процессуальных ресурсов данного вида правоохранительной практики. Все это является необходимым этапом генезиса института уголовно-процессуального использования результатов ОРД.

Библиографический список

1. Вытовтов А.Е. Результаты оперативно-розыскной деятельности как средства доказывания в уголовном судопроизводстве (по материалам уголовных дел экономической направленности): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Омск: Омская академия МВД России, 2020.

2. Зникин В.К. Научные основы оперативно-розыскного обеспечения раскрытия и расследования преступлений: автореф. дис.... д-ра юрид. наук: 12.00.09 // Электронная библиотека диссертаций «Dissercat»: URL: <https://www.dissercat.com/content/nauchnye-osnovy-operativnorozysknogo-obespecheniyaobespecheniya-raskrytiya-i-rassledovaniya-prestuplenii>

3. Олимпиев А.Ю. О противоречивости положений ст. 89 УПК РФ // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 6.

4. Чечетин А.Е., Шатохин И.Д., Шмидт А.А. Оперативно-розыскная деятельность в решениях Конституционного Суда Российской Федерации, 2022.

Т.К. Тругумбаев, студент юридического института Алтайского государственного университета

Научный руководитель — Ю.А. Зеленин, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Алтайского государственного университета

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ВЗГЛЯДЫ ЧОКАНА ВАЛИХАНОВА

Статья посвящена анализу политических и правовых взглядов казахского мыслителя — Чокана Валиханова, оценке его исторического влияния на общественную и политико-правовую мысль Казахстана во второй половине XIX века. Валиханов являлся передовым мыслителем своего времени, оказавшим большое влияние на общественно-политическое развитие Казахстана.

Ключевые слова: политико-правовые взгляды, реформы, Валиханов, демократические взгляды, просветители.

Чокан Валиханов (1835-1865) — известный казахский учёный, путешественник, мыслитель и общественный деятель, оставивший заметный след в истории политических и правовых учений. Валиханов, пожалуй, наиболее крупная фигура в истории политико-правовой мысли Казахстана второй половины XIX в., мыслитель, творчество которого явилось одним из истоков политико-правовых идей начала XX в. в Казахстане [1].

Решающее влияние на формирование мировоззрения Валиханова оказали произведения русских революционных демократов: Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова и статьи журнала «Современник», которые регулярно читал Валиханов. Для укрепления демократических взглядов Ч. Валиханова исключительное значение имела его встреча с великим русским революционером-демократом Н.Г. Чернышевским во время пребывания в Петербурге в 1860 г. [2].

Наиболее активные в творческом отношении годы Чокана Валиханова пришлись на конец 1850-х — начало 1860-х гг. и совпали с периодом активной реформаторской деятельности Александра II и его либерального окружения. Эпоха Николая I, преследования декабристов, жестокая цензура — все, казалось, уходило в прошлое. Дух реформ, социального раскрепощения и просвещения народа вдохновлял в этот период и Валиханова. Он не только был носителем и распространителем реформаторских и просветительских идей, но и своей практической

деятельностью способствовал подготовке и проведению многоплановых реформ.

Валиханов был противником деспотизма, симпатизировал республиканскому строю, но не исключал и возможности прогрессивной просвещенной конституционной монархии. Был знаком он и с достаточно широко распространенными в освободительном движении федеративными идеями, которые, судя по всему, разделял. Одним из наиболее выдающихся произведений Чокана Валиханова, посвященных политико-правовой тематике, является «Записка о судебной реформе», опубликованная посмертно. Записка была написана в период подготовки и проведения судебной реформы 1864 г. в России. Закончена она Валихановым 28 февраля 1864 г. в Омске.

В его сочинениях можно заметить некоторые намеки, параллели в духе давней просветительской и демократической традиции замаскированной критики порядков и политики России под видом критики Китая. Эта литературная традиция, берущая начало от французских просветителей XVIII в., использовалась, например, В. Г. Белинским в 1840-х гг., а также М. А. Бакуниным в его статьях периода сибирской ссылки.

Либерализм Валиханова отмечали и его близкие друзья. Так, Г.Н. Потанин замечал, что «по политическим взглядам он принадлежал к крайним либералам» [3]. Он же отмечал, особенности патриотического мировоззрения Ч. Валиханова: «В сердце Чокана любовь к своему народу соединялась с русским патриотизмом, в шестидесятых годах общерусский патриотизм не отрицал местных, областных и инородческих, и два патриотизма – общий и частный – легко уживался в одном человеке» [4, с. 78].

В целом следует заметить, что в советское время политико-правовые взгляды мыслителя порою чрезмерно революционизировались. Элементы революционно-демократических взглядов на самом деле сочетались у него с сильным реформистским либерально-демократическим ядром воззрений. Об этом свидетельствуют и значительная часть знакомств мыслителя, его письма из Казахстана после возвращения из Петербурга, поздние письма друзьям и коллегам по службе, практическая деятельность, признание им закономерности революции, но отказ от ее идеализации, понимание, что революция — взрыв накопившейся социальной энергии, которой чрезмерно консервативная политико-правовая система не дает иного пути реализации [5].

Таким образом, в системе политико-правовых, философских и просветительских взглядов Ч. Валиханова ведущую роль играла идея общественного про-

гресса, которую он проводил во всех своих работах. Валиханов будучи патриотом, постоянно стремился защищать права своего народа, верил в его историческое будущее и связывал его с просвещением. В истории общественной и культурной жизни казахского народа Чокан Валиханов положил начало приобщению к передовой русской культуре и явился первым ее пропагандистом-просветителем. Восприняв передовые идеи великих русских демократов, он высказывал глубокие и оригинальные мысли применительно к казахской действительности, он явился основоположником демократического направления в истории казахской общественной мысли. Как ученый, Валиханов занял видное место среди передовых представителей науки своего времени.

Библиографический список

1. Ишембетов, И. Р. Взгляды Валиханова Ч.Ч. на право и государство: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. — Казань, 2006.
2. Утениязов С.К. Влияние передовой российской интеллигенции на становление Ч.Ч. Валиханова как ученого: автореферат дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02. — Алматы, 1993. URL.: <https://cheloveknauka.com/vliyanie-peredovoy-rossiyskoj-intelligentsii-na-stanovlenie-ch-ch-valihanova-kak-uchenogo>
3. Потанин Г.Н. Чокан Чингисович Валиханов // Сибирская жизнь. 1903. № 133. URL.: <https://shoqan.kz/materials/p1/>
4. Потанин Г.Н. В юрте последнего киргизского царевича // Русское богатство. — 1896. — № 8.
5. Политические и правовые взгляды Чокана Валиханова URL.: <https://www.kazportal.kz/politicheskie-i-pravovyye-vzglyadyi-chokana-valihanova/>

К.Е. Утемова, студентка 2 курса юридического института Алтайского государственного университета

Научный руководитель — Д.А. Казанцев, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Алтайского государственного университета

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ

В статье изложены условия превышения права на необходимую оборону в сфере уголовно-правовых отношений, являющиеся поводом для привлечения защищаемого лица к уголовной ответственности. Превышение нормативных пределов необходимой обороны заключается в причинении посягающему лицу

без необходимости и необустроенного сложившейся обстановкой чрезмерного умышленного вреда, значительно превосходящего вред, который причинило или намеревалось причинить данное лицо объекту своего посягательства.

Ключевые слова: уголовный закон, необходимая оборона, обстоятельства, исключающие преступность деяния.

На современном этапе развития права необходимая оборона [2] является конституционной гарантией человека на защиту своих прав и свобод всеми не запрещенными способами [6], но на практике практически всегда обороняющийся человек подвергается уголовному преследованию, происходит это из-за того, что с одной стороны лицо, в отношении которого происходит оборона, является личностью, живым человеком, а с другой стороны возникает проблема доказывания условий правомерности необходимой обороны и её пределов.

Учёные по-разному определяют понятие необходимой обороны. Так, доктор юридических наук, профессор В.П. Ревин говорит, что необходимая оборона — это правомерная защита личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства. [3] Для того, чтобы признать вред, которое причинило обороняющееся лицо нападающему необходимо наличие определенных условий. К таким условиям относятся:

- необходимая оборона не должна выходить за пределы действий, которые необходимы для их пресечения;
- способ защиты, который выбрало обороняющееся лицо должно быть соразмерно тому, которое использует нападающий [5].

В этих условиях можно говорить о том, что обороняющийся должен действовать соразмерно преступнику, т.е. нельзя причинять телесные повреждения вору или причинить смерть насильнику. Необходимая оборона является защитой только от посягательства, но как определить его размер и как действовать соразмерно ему, так как невозможно в этот момент определить, каких действий будет достаточно для того, чтобы отразить это посягательство.

Рассматриваемое превышение имеет место быть не только при совершении защитных действий, явно превышающих характер и степень общественной опасности посягательства, но и совершение каких-либо иных действий (соразмерных или менее опасных) в случае преждевременной, запоздалой или мнимой необходимой обороны, что влечет привлечение защищаемого лица к уголовной ответственности на общих основаниях.

Рассмотрим приговор Быковского районного суда Волгоградской области от 10 июня 2020 года: Между Татьяна Воробьева и её сожителем Р. на почве личной неприязни возникла ссора, зачинщиком которой являлся потерпевший. В момент, когда женщина резала хлеб ножом, Р. развернул ее к себе лицом, запястьем левой руки придавил шею, а правой рукой нанес два удара в область плеч. Оттолкнув его от себя, Татьяна Воробьева ударила его ножом в грудь.

Таким образом, следствие квалифицировало действия Татьяны Воробьевой по п. «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ. Дело прошло множество инстанций и оставалось без изменений, так как суд счел, что объективных доказательств, указывающих на наличие угрозы жизни и здоровью Татьяны Воробьевой со стороны Р., не имелось, а то обстоятельство, что тот сдавил запястьем руки область шеи обвиняемой и два раза ударил ее по плечам, не свидетельствует об отсутствии умысла у нее на причинение тяжких телесных повреждений потерпевшему, которому она нанесла ножевое ранение в жизненно важный орган.

Но Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации вынесла оправдательный приговор: в соответствии с ч. 1 ст. 37 УК РФ установленные судами действия Воробьевой не являются преступлением.

Анализ имеющейся судебной практики подтверждает неясность критериев и показателей обоснованности применения обороны, что приводит к прямо противоположным правовым оценкам одной и той же ситуации.

В теории уголовного права выдвигалось предложение отказаться от установления пределов необходимой обороны. Так, Н.И. Коржанский предлагал вообще исключить понятие превышения пределов необходимой обороны, утверждая при этом следующее: «Привлечение к уголовной ответственности лица, причинившего вред нападающему при отражении общественно опасного посягательства переворачивает общее представление о добре и зле, о справедливости, извращая правосознание. Суд должен решить только один вопрос: было ли у защищавшегося и причинившего вред право на необходимую оборону. И если такое право было, то причиненный вред должен признаваться правомерным независимо от его тяжести». Необходимая оборона является границей, отграничивающей преступное поведение от правомерной защиты охраняемых законом объектов. Но на нынешнем этапе эта граница является довольно размытой [1].

Таким образом, чтобы миновать неоднозначное толкование норм в правоприменительной практике, а также в целях восполнения пробела в части нормативного закрепления понятия превышения пределов необходимой обороны,

в первую очередь, необходимо разъяснить значение и содержание данного понятия путем внесения разъясняющих дополнений в действующую редакцию Постановления Пленума Верховного Суда РФ.

Библиографический список

1. Смирнов А. М. К вопросу о превышении пределов необходимой обороны // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-prevyshenii-predelov-neobhodimoy-oborony-1> (дата обращения: 29.05.2023).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 28.04.2023)
3. Свирин Д. А. К вопросу о понятии необходимой обороны и её социально-правовой природе // Евразийская адвокатура. 2020. №1 (44). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-ponyatii-neobhodimoy-oborony-i-eyo-sotsialno-pravovoy-prirode> (дата обращения: 29.05.2023).
4. Никуленко А. В., Смирнов Максим Андреевич Необходимая оборона и превышение её пределов: возможности законодательного совершенствования // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. №3 (87). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neobhodimaya-oborona-i-prevyshenie-eyo-predelov-vozmozhnosti-zakonodatelnogo-sovershenstvovaniya> (дата обращения: 29.05.2023).
5. О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 N 19 (ред. от 31.05.2022)
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).

Д.С. Яковлев, студент кафедры уголовного права и криминологии Алтайского государственного университета

М.А. Стародубцева, преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Алтайского государственного университета

К ВОПРОСУ О ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВА В ОБЛАСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Представлены проблемы правотворческой и правоприменительной деятельности государства в области противодействия преступлениям террористической и экстремистской направленности. Было обращено внимание на отсутствие в УК РФ понятия «терроризм», изучена судебная практика по привлечению к уголовной ответственности за преступления террористического характера за последние 7 лет, проанализирована возможность отнесения введенных в 2022 году новых составов к преступлениям террористической и экстремистской направленности.

Ключевые слова: преступление, терроризм, судебная практика, экстремистская деятельность, экстремизм, противодействие терроризму и экстремизму.

Как известно, на сегодняшний день проблема распространения преступлений экстремистской и террористической направленности остается одной из самых важных и при этом опасных проблем мирового уровня, а борьба с такого рода преступлениями входит в число значимых целей нашего общества. При этом проводимая правотворческая и правоприменительная деятельность государства в области противодействия таким преступлениям встречает на своем пути множество проблем, вызванных как несовершенством действующего уголовного законодательства, так и отсутствием отдельных норм в данной сфере.

Во-первых, самая известная проблема, на которую хотелось бы обратить внимание, - это отсутствие в действующей редакции Уголовного кодекса Российской Федерации (далее по тексту - УК РФ) понятия «терроризм». Так, в ч. 1 ст. 205 УК РФ формулируется лишь понятие террористического акта [1], при этом само понятие «терроризм» раскрывается в п. 1 ст. 3 Федерального закона от 06.03.2006 года № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», где терроризм пони-

мается как идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий [4].

Важность данной проблемы объясняется тем, что от точной квалификации террористического акта напрямую зависит положительный результат противодействия террористическим общественно опасным деяниям. При этом, как известно, терроризм - не отдельный акт поведения, а деятельность, т.е. система деяний террористического характера, среди которых террористический акт, ответственность за который и предусмотрена ст. 205 УК РФ, является отдельной формой проявления терроризма [8].

В соответствии с Перечнем № 22 Указания Генпрокуратуры России № 11/11, МВД России от 17.01.2023 года № 1 «О введении в действие перечней статей УК РФ, используемых при формировании статистической отчетности» к преступлениям террористического характера относятся преступления, предусмотренные ст. 205 УК РФ, ст. 205.1 УК РФ, ст. 205.2 УК РФ, ст. 205.3 УК РФ, ст. 205.4 УК РФ, ст. 205.5 УК РФ, ст. 205.6 УК РФ, ст. 208 УК РФ, ч. 4 ст. 211 УК РФ, ст. 277 УК РФ, ст. 360 УК РФ, ст. 361 УК РФ [9].

При этом из анализа судебной практики следует, что за последние 7 лет преступления террористического характера были квалифицированы по ст. 205 УК РФ, ст. 205.1 УК РФ, ст. 205.2 УК РФ, ст. 205.3 УК РФ, ст. 205.4 УК РФ, ст. 205.5 УК РФ, ст. 205.6 УК РФ, ст. 208 УК РФ, ст. 360 УК РФ. Однако самыми распространенными преступлениями среди данной группы являются публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма (ст. 205.2 УК РФ): с 2016 года по сегодняшний день количество вынесенных судом обвинительных приговоров равняется 667. При этом по остальным статьям УК РФ за это же время количество вынесенных судом обвинительных приговоров было меньше: ст. 205 УК РФ — 149, ст. 205.1 УК РФ — 469, ст. 205.3 УК РФ — 46, ст. 205.4 УК РФ — 48, ст. 205.5 УК РФ — 499, ст. 205.6 УК РФ — 288, ст. 208 УК РФ — 841, ст. 360 УК РФ — 1. По неохваченным в статистике преступлениям (ст. 277 УК РФ, ст. 361 УК РФ) количество обвинительных приговоров равняется 0 [10].

Но при этом, во-вторых, ст. 1 Федерального закона от 04.03.2022 года № 32-ФЗ [5], и изменениями, внесенными ст. 1 Федерального закона от 25.03.2022 года № 63-ФЗ [6] и Федеральным законом от 18.03.2023 года № 58-ФЗ [7], в УК РФ были введены новые составы преступления, а именно это:

– ст. 207.3 УК РФ, которая предусматривает уголовную ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации, исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий, оказании добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации;

– ст. 280.3 УК РФ, которая предусматривает уголовную ответственность за публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий, оказания добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации;

– ст. 284.2 УК РФ, которая предусматривает уголовную ответственность за призывы к введению мер ограничительного характера в отношении Российской Федерации, граждан Российской Федерации или российских юридических лиц (т.н. «призывы к введению санкций в отношении нашей страны») и др. [1].

Эти преступления еще не имеют вынесенных судом обвинительных приговоров.

Возникает вопрос: можно ли считать данный состав преступления преступлением террористической или экстремистской направленности?

В то же время под экстремизмом и экстремистской деятельностью в соответствии с п. 1 ст. 1 Федерального закона от 25.07.2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» понимают большой перечень деяний, в т.ч. и террористической направленности [3].

Перечень № 20 Указания Генпрокуратуры России № 11/11, МВД России от 17.01.2023 года № 1 «О введении в действие перечней статей УК РФ, используемых при формировании статистической отчетности» [9] к преступлениям экстремистской направленности из новых вышеперечисленных составов преступлений относит лишь п. «д» ч. 2 ст. 207.3 УК РФ, а весь состав ст. 207.3 УК РФ, а также отдельные составы, предусмотренные ст. 280.3 УК РФ и ст. 284.2 УК РФ, к ним не относит. Однако считаем, что призывы к введению санкций в отношении нашей страны следует включить в число преступлений экстремистской направленности ввиду наличия схожих признаков. Поэтому следует включить

в диспозицию п. 1 ст. 1 Федерального закона от 25.07.2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [3] к определению экстремистской деятельности (экстремизма) призывы к осуществлению иностранным государством, государственным объединением и союзом и государственным (межгосударственным) учреждением иностранного государства или государственного объединения и союза мер ограничительного характера, выражающихся во введении или в продлении политических или экономических санкций в отношении Российской Федерации, граждан Российской Федерации либо российских юридических лиц, совершенные лицом после его привлечения к административной ответственности за аналогичное деяние по ст. 20.3.4 КоАП РФ [2], что содержится в ст. 284.2 УК РФ [1].

Аналогично следует поступить и с другими новыми схожими с экстремистскими составами преступлениями, предусматривающими уголовную ответственность по ст. 280.3 УК РФ за публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации [1], совершенную повторно в течение года после привлечения за аналогичное деяние к административной ответственности по ст. 20.3.3 КоАП РФ [2], а также по ст. 207.3 УК РФ за публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации, содержащей данные об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации [1].

Анализируя данные новшества, следует признать, что законодатель принял достаточно грамотное и взвешенное решение, когда лицо, совершившее все вышеуказанные действия, привлекается сначала к административной ответственности, что как бы предупреждает его о нежелательности такого поведения в последующем. При этом правонарушитель не может ссылаться на незнание законодательства, что означает, что эти его повторные действия осуществляются им осознано с прямым умыслом, что, соответственно, должно вести к привлечению его уже к уголовной ответственности.

Таким образом, экстремизм и терроризм как крайняя форма экстремизма являются одними из самых опасных общественно-политических проблемы. Их профилактика является не только задачей государства, но и всего общества в целом: общественных и религиозных объединений, отдельных граждан. В России такие деяния запрещены, а соблюдение этого запрета должно выражаться в устранении всех проблем правотворческой и правоприменительной практики в области противодействия распространению таких преступлений.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 18.03.2023). — Текст : электронный // СПС КонсультантПлюс. — Режим доступа: по подписке.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : Федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 18.03.2023). — Текст : электронный // СПС КонсультантПлюс. — Режим доступа: по подписке.
3. О противодействии экстремистской деятельности : Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 28.12.2022). — Текст : электронный // СПС КонсультантПлюс. — Режим доступа: по подписке.
4. О противодействии терроризму : Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 26.05.2021). — Текст : электронный // СПС КонсультантПлюс. — Режим доступа: по подписке.
5. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 04.03.2022 № 32-ФЗ. — Текст : электронный // СПС КонсультантПлюс. — Режим доступа: по подписке.
6. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 25.03.2022 № 63-ФЗ. — Текст : электронный // СПС КонсультантПлюс. — Режим доступа: по подписке.
7. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 18.03.2023 № 58-ФЗ. — Текст : электронный // СПС КонсультантПлюс. — Режим доступа: по подписке.
8. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (ред. от 03.11.2016). — Текст : электронный // СПС КонсультантПлюс. — Режим доступа: по подписке.
9. О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности : Указание Генпрокуратуры России № 11/11, МВД России от 17.01.2023 № 1. — Текст : электронный // СПС КонсультантПлюс. — Режим доступа: по подписке.
10. Судебная статистика РФ [Электронный ресурс] [сайт] — Режим доступа: <https://stat.апи-пресс.рф> (дата обращения 21.04.2023).

Сведения об авторах

Анохина Екатерина Андреевна, студент кафедры теории и истории государства и права Алтайского государственного университета, e-mail: katerinaa2002@mail.ru

Арутюнян Геворк Юрикович, студент юридического факультета Алтайского государственного университета, e-mail: Gevorkdzan@mail.ru

Богомолова Римма Михайловна, студентка юридического института Алтайского государственного университета, e-mail: rimma.bogomolova.02@mail.ru

Ельникова Софья Михайловна, студент кафедры теории и истории государства и права Алтайского государственного университета, e-mail: soffia.elnikova@ya.ru

Злобина Дарья Сергеевна, студент кафедры теории и истории государства и права Алтайского государственного университета, e-mail: dzlobina147@mail.ru

Иванова Наталия Вадимовна, студентка кафедры уголовного процесса и криминалистики Алтайского государственного университета, e-mail: ivanova.304@yandex.ru

Игнатьева Юлия Викторовна, студент кафедры конституционного и международного права Алтайского государственного университета, e-mail: ulaignateva135@gmail.com

Казанцев Дмитрий Александрович, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Алтайского государственного университета, e-mail: kazancevbui@mail.ru

Казанцева Олеся Леонидовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права юридического института Алтайского государственного университета, e-mail: verwaltung@mail.ru

Казарян Гор Геворгович, студент кафедры конституционного и международного права Алтайского государственного университета, e-mail: pureplatinum22@vk.com

Ковалёва Арина Радиевна, студентка юридического института Алтайского государственного университета, e-mail: ms.arina.kovaleva.2016@mail.ru

Крынина Виктория Алексеевна, студентка юридического института Алтайского государственного университета, e-mail: vikakrynina@mail.ru

Матвиенко Анастасия Сергеевна, студентка кафедры уголовного процесса и криминалистики Алтайского государственного университета, e-mail: a_matvienkoo@mail.ru

Моисеева Оксана Георгиевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Алтайского государственного университета, e-mail: moi.seeva@mail.ru

Пенкин Дмитрий Сергеевич, студент кафедры уголовного права и криминологии Алтайского государственного университета, e-mail: penkind836gmail.com@mail.ru

Попова Елизавета Алексеевна, студентка кафедры уголовного процесса и криминалистики Алтайского государственного университета, e-mail: lizaporova-2002@inbox.ru

Саенко Арина Александровна, студент кафедры теории и истории государства и права Алтайского государственного университета, e-mail: arina.saenko2@mail.ru

Стародубцева Мария Александровна, преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Алтайского государственного университета, e-mail: starodubzewa@gmail.com

Стенякина Лилия Геннадьевна, студент кафедры уголовного процесса и криминалистики Алтайского государственного университета, e-mail: stenyakina.lilia@yandex.ru

Сумарокова Виктория Евгеньевна, студентка кафедры уголовного процесса и криминалистики Юридического института Алтайского государственного университета, e-mail: vichka.sumarokova.00@mail.ru

Тругумбаев Таир Кайратович, студент юридического института Алтайского государственного университета, e-mail: tairtrug12624@gmail.com

Утемова Кристина Евгеньевна, студентка юридического института Алтайского государственного университета, e-mail: utemova.kristina@mail.ru

Яковлев Даниил Сергеевич, студент кафедры уголовного права и криминологии Алтайского государственного университета, e-mail: sega708-1980@mail.ru.

Научное издание

МОЙ ВЫБОР — НАУКА!

Сборник статей

по итогам X региональной молодежной конференции

Издание опубликовано в авторской редакции

Подготовка оригинал-макета *С.И. Тесленко*

Дизайн обложки *Ю.В. Плетнева*

ЛР 020261 от 14.01.1997.

Подписано в печать 01.12.2023. Формат 60x84 / 16.

Бумага офсетная. Усл.-печ. л. 4,88.

Тираж 100. экз. Заказ 750

Издательство Алтайского государственного университета

Типография Алтайского государственного университета:

656049 Барнаул, ул. Димитрова, 66